

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Проделки
небожительницы

Детектив-любитель Надежда Лебедева

Наталья Александрова

Проделки небожительницы

«ЭКСМО»

2002

Александрова Н. Н.

Проделки небожительницы / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2002 — (Детектив-любитель Надежда Лебедева)

ISBN 978-5-699-55618-2

Леню Маркиза подставили! Такое с ним случилось впервые. Его, известного афериста, гордящегося своими криминальными талантами, вынудили принять участие в сомнительном деле с кражей золотой статуэтки, изображающей львиноголовую богиню зла Ламашту. Статуэтку он, конечно, украдет, это не вопрос! И с подставившими его людьми Леня разберется – без всяких сантиментов. Только вот как к ним подобраться? И тут сама судьба приходит на помощь Лене Маркизу: оказывается, коллекцию экспонатов, принадлежащую немецкому барону Гагенау, куда входила и ассирийская Ламашту, сопровождал в Петербург старый знакомый Лени, друг его детства Максим Белов. А уж вместе со старым другом и незаменимой помощницей Лолой они что-нибудь обязательно придумают... Книга также выходила под названием «Ассирийское наследство».

ISBN 978-5-699-55618-2

© Александрова Н. Н., 2002

© Эксмо, 2002

Наталья Александрова

Проделки небожительницы

Убаюкиваемый мягким покачиванием «шестисотого» «мерса», Толстый подремывал на заднем сиденье. Рустам, его телохранитель, вполголоса рассказывал шоферу похабный анекдот, и тот смеялся – тоже тихонько, чтобы не потревожить хозяина.

День выдался удачный, до виллы оставалось минут пятнадцать езды по хорошей дороге, а там его ждали необъятное джакузи и заводные сестрички Саша и Даша, непревзойденные мастерицы тайского массажа... В общем, все в кайф.

Вдруг машину тряхнуло, подбросило, повело по дороге юзом, развернуло поперек шоссе. Шофер, матерясь, крутил баранку. Наконец ему удалось справиться с управлением, и «Мерседес» остановился.

– Что за дела?! – рявкнул Толстый, приподнимаясь на сиденье. – Ты что, водяры нажрался? Ты понимаешь, блин, мразь поганая, кого возишь? Я тебя в выгребной яме похороню!

Шофер, бледный как полотно, обернулся к боссу и начал оправдываться:

– Колесо проколол. Колючка на дороге валялась, не увидел. Хорошо, с управлением справился. Не виноват я, шеф! Слава те господи, что дорога пустая, на встречной полосе никого не было!

В этот поздний ночной час на шоссе действительно не было ни одной машины.

Точнее, одна все-таки была: метрах в двадцати от развернувшегося поперек движения «Мерседеса» стоял темный автомобиль с погашенными фарами.

Почувствовав неладное, Толстый вытащил из кобуры пижонскую «беретту», щелкнул предохранителем и сказал Рустаму:

– Ну-ка разберись, кто там с нами поиграть решил.

Рустам кивнул, вытащил из-под сиденья бронежилет, неторопливо надел его, приготовил к бою короткий десантный автомат, открыл дверцу и неожиданно исчез.

Толстый, хоть и знал Рустама не один год, никак не мог привыкнуть к его способности мгновенно исчезать и так же мгновенно появляться. Эта способность помогла Рустаму выжить в Абхазии и в Чечне, в кровавых разборках начала девяностых, и за эту способность Толстый, влиятельный лидер одной из крупнейших группировок города, взял Рустама в свою личную охрану.

Прошло пять или семь бесконечно долгих минут, и Рустам возник возле приоткрытой дверцы «Мерседеса».

– Шеф! – сказал он почему-то шепотом, низко наклонившись к хозяину. – Там никого нет.

– Ну и что? – недоуменно спросил Толстый. Настороженность Рустама, который никогда и ничего не боялся, передалась ему, и он тоже понизил голос: – Ну и что, что никого нет? Может, они просто машину бросили?

– Не нравится мне все это! – прошептал Рустам, и вдруг лицо его исказилось короткой судорогой, он покачнулся и сполз по лаковому борту «Мерседеса».

Толстый тихо выругался, пошире открыл дверцу и огляделся. Вокруг не было ни души. Тогда он толкнул носком ботинка тело Рустама. Телохранитель перекатился на спину, подставив звездному небу бледное мертвое лицо с широко открытыми пустыми глазами.

– Что за хренотень? – пробормотал Толстый и полез обратно в машину.

На переднем сиденье трясущийся водитель бормотал всплывшие в памяти обрывки молитв. Вокруг было очень тихо. Прошло несколько минут. Совершенно ничего не происходило.

– Ну и долго ты будешь тут трястись? – прорычал наконец Толстый. – Давай меняй колесо, и поехали!

Водитель дрожащей рукой открыл переднюю дверцу, и в это мгновение из темноты возникли две призрачные фигуры.

Белые складки длинной бесформенной одежды струились как лоскутья тумана, а над этими колыхавшимися одеяниями сверкали золотые маски с черными прорезями глаз и вьющимися крутыми кольцами ярко-красными бородами.

– Что еще за цирк?! – вскрикнул Толстый, поднял «беретту» и открыл огонь по одному из призраков.

Пистолет ходил ходуном в его трясущейся руке, а призрак приближался, никак не реагируя на выстрелы.

– Отче наш... – бормотал водитель на переднем сиденье, – да сбудется воля твоя...

Толстый отбросил бесполезный пистолет, выскочил из машины и тяжелыми прыжками помчался к лесу.

Однако он не успел пробежать и половины пути, как его схватила за плечо могучая рука. Даже сквозь одежду Толстый почувствовал ее ледяной, могильный холод. Страшным рывком незнакомец развернул бандита к себе лицом, заставил опуститься на колени. Толстый поднял глаза. Над ним возвышались два призрака в струящихся белых одеждах и золотых масках. Один из них поднял руку, и в ней блеснуло широкое лезвие короткого меча.

От всего этого веяло таким древним мистическим ужасом, что Толстого наконец проналя. Он побледнел, так что лицо его цветом стало напоминать сырую картофелину, и севшим от страха голосом проговорил:

– Мужики, ну чего вам надо-то? Договоримся! Денег, может? Так об чем базар?

Однако призраки не издали ни звука. Широкий меч описал короткую дугу, и голова Толстого покатила по асфальту.

– И прости нам грехи наши... – шептал шофер «Мерседеса» синими от ужаса губами.

Монгол посмотрел на Степа своими змеиными ледяными глазами, закусил незажженную сигарету и прошипел:

– Придется, однако, с Шубой встретиться, перебазарить эти дела. Если он Толстого упаковал – мало ему не покажется! Что он, однако, о себе думает? Он тут не один в городе, если что – быстро остановим.

– Шуба говорит – он не при делах, – вставил Степа, – просит стрелку забить в эту субботу, место – где скажешь.

– У Левы, однако, встретимся, – мгновенно ответил Монгол, – место хорошее, проверенное, второй выход есть. Ребят, однако, расставь загодя, чтобы без сюрпризов обошлось.

В субботу на дверях ресторана «Золотой барашек» появилась табличка: «Закрытое мероприятие». Этот небольшой ресторанчик знающие люди обычно называли «У Левы», по имени его хозяина, жизнерадостного и пузатого Левы Ашкенази.

Лева и сам неплохо готовил, но в последнее время он передоверил кухню замечательному повару-армянину Хачику Айвазяну, а сам больше бывал в зале, с клиентами.

Лева платил Монголу, но не ссорился ни с кем из конкурентов своего покровителя, и в его ресторане часто проводили «стрелки», зная, что веселый еврей, когда надо, бывает нем как рыба и надежен, как автомат Калашникова.

Степа подъехал в ресторан за два часа до назначенного времени, обошел на всякий случай хорошо знакомое помещение, осмотрел все кладовки и чуланы, специальным прибором проверил отсутствие «жучков», расставил охрану.

Монгол приехал без пяти минут восемь, сверкнул от дверей ледяными недоверчивыми глазами. Лева вышел ему навстречу, без излишней угодливости приветствовал покровителя,

предложил выпить для аппетита. Монгол попросил воды с лимоном, сел за столик, взглянул на часы.

Ровно в восемь на трех джипах подъехали Шуба и его охрана. Бойцы остались снаружи, Шуба вошел в зал вдвоем с Джафаром, своей правой рукой и «вторым я».

Худой, мосластый, с уродливым, изрытым мелкими шрамами лицом, Шуба слыл человеком жестоким, опасным и непредсказуемым. Шрамы на лице остались у него от осколков противопехотной мины, которую в девяносто втором году конкуренты подложили в его подъезд. Шуба выжил благодаря чуду и бронежилету, конкурентов переловил поодиночке и убил с такой извращенной жестокостью, что слухи об этой расправе не затихали года два.

Шуба с Джафаром пересекли зал, поздоровались, сели за стол рядом с Монголом и Степой. Лева мелькнул в дверях, спросил, не нужно ли чего, и тактично исчез.

Верхний свет в зале был притушен, на всех столах горели свечи, создавая ощущение уюта и покоя.

Шуба достал сигареты, предложил Монголу, услышав ожидаемый отказ, закурил сам. Выдержав приличествующую случаю паузу, начал:

– Монгол, Толстого я не мочил. Мне это ни к чему. Если не веришь – спроси Колесо, мы с ним всю ту ночь в «Какаду» просидели.

– Сам мог в «Какаду» сидеть, а пацанов послал, – прошипел недоверчиво Монгол.

Он присматривался к собеседнику узкими холодными глазами, словно пытался влезть в его черепную коробку и понять – врет тот или говорит правду? Достал сигарету, закусил, не зажигая, – бросил курить, но старая привычка осталась. По-волчьи поведя головой, принюхался – в зале пахло чем-то сладковатым, пряным, незнакомым, а все незнакомое вызывало у Монгола недоверие. Подумав, что запах идет от ароматических свечей, он успокоился и продолжил:

– Если ты ни при чем, почему на следующий день наехал на Шоту? Ты же знаешь, Шота всегда платил Толстому, если Толстого замочили – нужно на сходе решать. По понятиям, хозяйство Толстого должно Фрунзику отойти, если не согласен – на сходе перебазарим, а ты сразу на Шоту наехал! Сам понимаешь, что люди подумали!

Степа ощутил вдруг какой-то странный внутренний дискомфорт. Что-то было не так, какая-то неправильность ускользала от его сознания. Он встал из-за стола, сказал Монголу, что хочет проверить охрану, и вышел из зала.

В коридорчике между залом и кухней сидел на табурете, прислонившись спиной к стене, молодой рыжеволосый боец с автоматом на коленях. Его поза насторожила Степу.

– Ты что, спишь, блин? – вполголоса окликнул он бойца.

Тот не шелохнулся. Степа в один прыжок подскочил к парню, прикоснулся к его плечу. Этого прикосновения оказалось достаточно, чтобы боец мешком свалился на пол. Степа, тихо выругавшись, нагнулся к нему, прижал палец к шее, чтобы проверить пульс. Пульса не было. Парень был мертв.

Степа выхватил из мертвых рук автомат, бросился к заднему выходу из ресторана, где должен был стоять еще один боец, но уже издали увидел распростертое на полу безжизненное тело. Резко развернувшись, он побежал к залу, чтобы предупредить Монгола, но неожиданно почувствовал легкий укол в шею. В глазах у него потемнело, воздух стал тяжелым и колющим, как битое стекло. Степа попытался вдохнуть, но дышать битым стеклом невозможно. Он споткнулся и тяжело рухнул на пол.

Монгол вновь принюхался. Этот сладковатый запах ему определенно не нравился. Степа подозрительно долго отсутствовал...

В зале вдруг стало светлее, хотя по-прежнему горели только свечи на столах. И все звуки стали громче, отчетливее, и душу Монгола наполнила какая-то странная, беспричинная

радость... Привычная звериная настороженность, оттесненная в темный уголок души, кричала об опасности. Все ощущения были такими, как будто Монгол принял большую дозу дури.

Он дернулся, потянулся к кобуре, закрепленной под мышкой, но рука не слушалась – она стала чужой, посторонней. С трудом переведя взгляд на Шубу, Монгол увидел, что тот тоже явно не в себе. Шуба пытался что-то сказать, но из его горла вырывалось только бессвязное мычание. Большие руки лежали на столе и тряслись мелкой дрожью, в глазах горела адская смесь паники, ужаса и ненависти.

«Нас обоих подставили, – понял Монгол, – он точно так же, как я, не может шевельнуть рукой. Какая же сволочь все это устроила?! Неужели Степа?!»

В зале повеяло странным сырým холодом, и в дверях появились две призрачные фигуры.

Белая бесформенная одежда колыхалась, как плотный утренний туман. Лица незнакомцев закрывали золотые маски с черными провалами глаз, из-под масок на грудь ниспадали ярко-красные, вьющиеся крупными кольцами бороды.

«Дурью нас обкурили, – подумал Монгол, – что за хреновина мне мерещится?»

Он попытался шевельнуться, но тело было совершенно чужим. Не удавалось двинуть даже пальцем.

Привидения в золотых масках медленно, торжественно приблизились к столу, за которым, как манекены, сидели парализованные бандиты. Один из краснобородых поднял руку, и в ней появился короткий широкий меч. Тускло блеснув в свете свечей, меч описал плавную кривую, и голова Шубы с гулким стуком покати́лась по полу. Из разрубленной шеи ударил черный фонтан и тут же иссяк.

«Я сплю, – думал Монгол, – я сплю. Проснуться бы, проснуться бы, проснуться бы!»

Но проснуться он не успел. Короткий широкий меч поднялся еще раз.

– Ну, что ты смотрела на выходных? – спросил Коля, с хрустом потянувшись.

Магазин был пуст, делать совершенно нечего.

– «Рыбу-меч», взяла в прокате, – охотно ответила Татьяна, – ничего, приличный боевичок, Траволта в главной роли.

– Кончай базар! – прикрикнул Илья Борисович. – Жирный карась плывет!

Действительно, дверь магазина открылась, и, поддерживая под локоток удивительно красивую блондинку в кремовом кашемировом пальто, еле сходявшемся на животике восьмого месяца беременности, вошел вчерашний крупный покупатель.

Илья Борисович, сложив руки на животе и маслено поблескивая предвкушающими прищипками глазками, вышел навстречу дорогому гостю.

– Стул даме вынеси! – вполголоса скомандовал он Коле.

– ...и до сих пор в салоне полно собачьей шерсти! – договорила женщина начатую на улице фразу.

Мужчина улыбнулся, подвел ее к моментально возникшему стулу и пошел за Ильей Борисовичем в святая святых – в директорский кабинет, где происходили самые интересные и приятные события – оплата самых крупных покупок черным, как негритянский вождь, налом.

– Что у вас творится? – капризным голосом обратилась дама к продавцам. – Вся улица перерыта, не подъехать! За углом пришлось парковаться!

– А мы-то при чем! – фыркнула невоспитанная Татьяна, с завистью взиравшая на отвратительно богатую блондинку с ее чудным пальто, сногсшибательными сапогами и умопомрачительным мужем.

Коля незаметно пнул некультурную коллегу ногой под прилавком и, чтобы загладить ее мелкое хамство, подкатился мелким бесом к клиентке с развязно-угодливой улыбкой на губах.

Он ценил свое место в приличном ювелирном магазине и не хотел рисковать им из-за такой мелочи, как скверный характер напарницы. Перед женой богатого клиента нужно прогибаться, вылизывать ее, забыв чувство меры и приличия.

– Может быть, вам кофейку сварить?

– Не надо! – огрызнулась блондинка. – Кофе в моем положении вреден.

– А может быть, вы пока посмотрите еще какие-нибудь украшения?

– Молодой человек, не расходуйте на меня свой энтузиазм. Я сегодня столько насмотрелась всякой дряни и так находилась по магазинам, что хочу просто посидеть в тишине, пока мой муж рассчитывается с вашим хозяином! Все, что хотели, мы уже выбрали.

Неожиданно дверь магазина с грохотом распахнулась, и в него ввалился некий работяга в грязном комбинезоне. Появление такого персонажа в ювелирном магазине ничуть не лучше, чем коллективное акробатическое выступление стада слонов в посудной лавке. Коля бросился навстречу нежелательному посетителю, но тот с порога заорал:

– Чей, блин, там джип?! Какая, тля, раззява его поставила?! Мы там работы ведем, а он, блин, свое корыто пристроил! А ну, уберите его сейчас же к чертям собачьим, а то, блин, я его бульдозером в яму сворочу и скажу, что так и было!

Беременная блондинка тихо взвизгнула и умоляюще посмотрела на Колю:

– Молодой человек, зайдите, скажите Толе. А то этот козел действительно своротит наш «Лендкрузер»!

Коля понимающе кивнул и бросился в кабинет Ильи Борисовича.

Работяга повернулся к блондинке и рявкнул:

– За козла, блин, ответишь! Да не была бы ты баба, да еще беременная, я бы тебя саму бульдозером утрамбовал!

Рыкнув еще разок на окружающих, он выскочил из магазина и пропал.

Из кабинета директора выбежал разъяренный клиент, помчался к двери. Илья Борисович кричал ему вслед:

– Не беспокойтесь, я вам все упакую! Через минуту все будет готово! Я вам к машине вынесу.

Клиент хлопнул дверью, не оборачиваясь на блондинку. Та вскочила и бросилась следом за ним. Илья Борисович проводил посетителей сочувственным взглядом и значительно произнес:

– Какие люди! Вы не представляете, какую сумму он у нас оставил! – И, выразительно подняв глаза к потолку, он помотал головой и удалился в свой кабинет.

Через минуту беременная блондинка вернулась в магазин и сказала:

– Я заберу покупку. Анатолий там ругается с работягами, это надолго.

Илья Борисович с подобострастной улыбкой вынес даме аккуратно упакованную коробку, проводил ее до дверей, вновь воздел очи к потолку и повторил со священным трепетом:

– Какие люди! Какая сумма!

Еще через пять минут дверь магазина опять распахнулась, и вошел тот самый «жирный карась», крупный покупатель, муж беременной блондинки.

– Чего же вы? – с легким недовольством обратился он к Илье Борисовичу. – Обещали к машине вынести...

– Но... но ведь покупку забрала ваша супруга, – робко проговорил Илья Борисович, бледнея от страшной догадки.

– Какая еще супруга?! – взревел покупатель. – Ты что такое несешь? Ты кому отдал мои бриллианты?!

– Но ведь... дама, которая была с вами... она сказала, что вы...

– Ты, скотина, ври, да не завирайся! Я эту телку беременную первый и последний раз в жизни видел! Машины мы рядом припарковали, я помог ей дверь открыть! Двадцать тысяч баксов, как одну копеечку, тебе, скотина, выложил, а ты отдал все какой-то беременной шлюхе?!

Илья Борисович икнул и сел на стул, на котором недавно сидела блондинка. Метаясь по салону, как раненый слон, едва не сокрушив витрины, клиент, с которого в мгновение ока слетела вся респектабельность, перемежая свой рассказ отборным матом, поведал, как было дело. Он припарковал свой джип в стороне от магазина, за углом, и тут же рядом остановился роскошный белый «Мерседес»-купе, из которого выпорхнула шикарная блондинка с несколько тяжеловатой фигурой. Встретившись глазами с хозяином джипа, блондинка улыбнулась ему открыто и дружелюбно, затем ее ясное личико несколько омрачилось – дорога к магазину была перерыта-перекопана. Хозяин джипа не растерялся и предложил милой даме в интересном положении свою помощь. Рука об руку они дошли до магазина, причем блондинка мило лепетала что-то о своем муже, который послал ее приглядеть для себя подарок к дню рождения ребеночка, о собачке, оставленной дома без присмотра... клиент не очень-то слушал обычный бабский треп.

Таким образом, у продавцов и у хозяина ювелирного магазина создалось впечатление, что богатый клиент пришел с супругой. Блондинка не только не опровергла это утверждение, но и открытым текстом назвала находившегося в тот момент в кабинете клиента своим мужем.

Теперь всем стало ясно, что хамский работяга с бульдозером был подставным. Мошенническая операция прошла как по маслу.

– Подставили, – бормотал Илья Борисович, потирая левую сторону груди.

Его, опытного человека, умевшего с первого взгляда определить, на какую сумму можно «раздоить» клиента, провели, как последнего лоха на рынке! Бриллиантовое кольцо ценой в двадцать тысяч баксов уплыло в неизвестную туманную даль!

Продавец Коля думал: какое счастье, что хозяин сам, своей собственной рукой, отдал кольцо мошеннице. Если бы это сделал Коля, не миновать ему тогда увольнения, да, пожалуй, и часть долга на него повесили бы...

Продавщица Татьяна вспомнила вдруг прошедший выходной, как познакомилась она в баре с очень привлекательным молодым мужчиной. Они выпили по паре коктейлей, потом он предложил пойти в ресторан. Она слегка опьянела от шампанского и много болтала. А спутник внимательно ее слушал, умело наводя разговор на место ее работы, и все подливал и подливал ей вина, и Татьяна выболтала ему и про строительные работы, ведущиеся возле магазина, и про их богатого клиента, который присмотрел замечательно дорогое бриллиантовое кольцо и в понедельник утром придет с деньгами.

Они расстались очень мило, молодой человек дал Татьяне свою визитку, просил звонить. Сейчас Татьяна поняла, в чем дело было. Визитка лежала в ее сумочке.

«Выбросить скорее!» – подумала Татьяна, хотя визитка, естественно, была фальшивой.

Клиент подошел к Илье Борисовичу и тронул его за плечо.

– Деньги назад отдашь! – потребовал он.

– Позвольте! – проскрипел Илья Борисович. – У меня нет уверенности, что вы сами не приложили к этому руку.

Он втянул голову в плечи, ожидая, что разъяренный клиент применит рукоприкладство.

Клиент же отчего-то успокоился. Он нагнулся к Илье Борисовичу и произнес ему на ухо несколько слов.

Илья Борисович послушал-послушал его и понял, что деньги придется вернуть.

Надежде Николаевне снилось, что ее похитили дикари из племени Мумбо-Юмбо, как в рекламе жевательной резинки. Они утащили ее в пещеру, где было страшно жарко, поло-

жили на раскаленную сковородку, а сверху придавили чем-то тяжелым, как цыпленка табака. Надежда пробовала кричать, но не получалось – рот ей забили чем-то мягким. Она шевельнулась, и в грудь впились тысячи игл, а точнее – десять. Надежда чихнула и проснулась.

На груди ее лежал кот Бейсик и в такт собственному мурлыканью регулярно впускал и выпускал когти. Это называлось – утренняя зарядка. В комнате была страшная жара, очевидно, все-таки включили паровое отопление, несмотря на то что сентябрь в этом году выдался на удивление теплый – днем температура доходила до двадцати градусов, как летом. Но положено топить – они и топят. Надежда откинула одеяло и перевернулась на живот, с трудом сбросив кота. Однако все равно дышать было нечем, и тогда она села на постели и попыталась раскрыть глаза.

«Видел бы кто-нибудь меня со стороны, определенно посчитал бы, что тетя мается тяжеленным похмельем», – невесело подумала Надежда.

Она тут же порадовалась, что никто, кроме кота, не видит ее в таком ужасном состоянии. Мужа не было дома, и вернется он очень не скоро. Надежда немножко погрустила по этому поводу, но решила, что все к лучшему.

Глаза ей удалось разлепить с большим трудом, но когда в них попал солнечный лучик, Надежда охнула и вновь прикрыла их рукой.

– Бейсик, сколько же времени? – жалобно протянула она.

Кот, отреагировав на свое имя, рывкнул в ответ злобным мявом – мол, давно уже пора покормить домашнее животное.

Тогда, повернув голову в ту сторону, где, по ее предположениям, должны были находиться настенные часы, Надежда осторожно приоткрыла один глаз. На часах, если они не врали, было четверть двенадцатого, стало быть, сегодня ночью Надежда Николаевна спала всего четыре с половиной часа.

– Очевидно, в моем возрасте нельзя так наплеватьски относиться к собственному здоровью! – произнесла Надежда вслух, и сразу ей стало противно, потому что вспомнился этот возраст.

Дело в том, что весной Надежде Николаевне исполнилось пятьдесят лет. И хоть торжественный юбилей ей удалось по чистой случайности замотать, то есть не было торжественных поздравлений от начальства с пожиманием рук и троекратным лобызаньем и мужчины не глядели на нее с лицемерным удивлением – мол, кто бы мог подумать? – а на вид такая молодая, – и сотрудницы помоложе ее не улыбались злорадно, как будто они сами через несколько лет не окажутся в таком же положении, заразы, но все равно, перед самой собой Надежда не могла хитрить: факт остается фактом, возраст у нее уже солидный.

Собственно, на здоровье Надежда не жаловалась, но в экстремальных случаях, вот как вчера, организм ее уже не мог работать как часы. Она наконец полностью открыла глаза и потянулась. Спина и плечи ныли, как будто по ним проехался паровой асфальтовый каток. Надежда поморщилась, нащарила ногами тапочки и побрела в ванную.

Невзирая на яростные протесты кота, который требовал, чтобы она немедленно направилась в кухню и предоставила ему полноценное питание, Надежда приняла контрастный душ и почувствовала себя если не хорошо, то более или менее сносно. Теперь ей требовалась большая чашка крепкого горячего кофе, и хорошо бы позволить себе нормальный бутерброд с колбасой для поднятия жизненного тонуса.

Надежда Николаевна последние пять лет очень следила за своим весом, то есть регулярно взвешивалась и с грустью отмечала, как стрелка медленно, но неуклонно ползет вправо, и в конце концов, как женщина, твердо оценивающая свои возможности, она пришла к выводу, что без посторонней помощи она вряд ли сумеет резко похудеть и что в ее силах только удерживать стрелку весов на одном месте. Однако и это при ее всегдашнем отличном аппетите оказалось трудновато сделать, тем более что муж Надежды, Сан Саныч, в свои пятьдесят пять лет был

подвижен, подтянут, худощав, ел что хотел и ворчал на Надежду, чтобы она не маялась диетами – все равно ничего ей не поможет, только здоровье пошатнется.

Словом, в этом вопросе муж Надежду совершенно не понимал и не поддерживал. Во всем остальном же между супругами наблюдалось полное согласие вот уже в течение восьми лет их совместной жизни. Брак у обоих был второй, дочка Надежды Алена жила с мужем и ребенком в Северодвинске – муж ее был военным моряком.

У Сан Саныча тоже были взрослый сын и внук, он был к ним очень привязан, но, по наблюдениям Надежды, больше всех на свете он обожал рыжего кота Бейсика, во всяком случае, смотрел на кота он гораздо ласковее, чем на собственную жену. Кот это чувствовал и расцветал рыжим махровым цветом, доводя понемногу их однокомнатную квартиру путем располосовывания обоев и раздирания мягкой мебели до уровня ночлежки, красочно изображенной в пьесе Горького «На дне».

Сан Саныч уехал к родственникам в подмосковный город Загорск. Его двоюродный брат что-то стал прихварывать и очень просил Саню приехать к нему повидаться, хоть на недельку.

Надежда заправила кофеварку, включила ее и открыла холодильник. Там жались друг к другу банка кошачьего корма и пачка обезжиренного творога, очевидно, вдвоем им было не так одиноко.

– М-н-да, – протянула Надежда, – бутерброд с колбасой возможен только при наличии самой колбасы.

Совершенно у нее вылетело из головы, что позавчера, проводив мужа, она решила употребить эту неделю на то, чтобы немного похудеть и приструнить кота.

Благими намерениями, как известно, вымощена дорога в ад.

Вывалив коту в миску полбанки «Китикета» (лопай, негодяй, пока я добрая), Надежда уныло ковыряла несладкий обезжиренный творог, как курица разрывает мусорную кучу, стремясь найти там жемчужное зерно. Несмотря на выпитый кофе, настроение у нее было отвратительным. Нет, не выйдет ничего из ее намерения похудеть! И виновата в этом никоим образом не Надежда, а судьба-злодейка, на этот раз принявшая образ тети Васи.

Вспомнив все, что произошло вчера ночью, Надежда почувствовала сильнейшее желание совершить какой-нибудь антиобщественный поступок – выбросить из окна пивную бутылку, отшлепать кота газетой или на крайний случай поругаться с соседкой. Но в это время суток все соседи были на работе, кроме одной – пенсионерки Марии Петровны, с которой Надежда как раз жила в большой дружбе, так что ругаться с ней не было никакого резона. Срывать злое настроение на бессловесном животном – последнее дело, а уж пустых пивных бутылок в их доме не водилось, потому что Сан Саныч пиво не любил.

Надежда вновь вздохнула. А какая чудесная могла бы выдаться у нее неделя! В научно-исследовательском институте, где она много лет работала, с осени установили новый порядок. Дело в том, что начальство сдало большую часть помещений института разным фирмам, начиная с крошечного магазинчика автодеталей и кончая «Северным Экономическим банком». Естественно, все это происходило не сразу, не в один день, так что сотрудники понемногу привыкли к постоянным перемещениям, некоторые даже не распаковывали коробки, а доставали только самое необходимое – кружку и кипятильник, – дескать, все равно скоро переезжать. Но когда к первому сентября, по устоявшейся привычке еще советских времен, народ стянулся на работу, выяснилось, что так жить нельзя, то есть совершенно невозможно работать в такой тесноте. Директор не растерялся и подписал приказ о том, что сотрудники могут работать дома и приходить в институт два раза в неделю – по вторникам и четвергам. Таким образом, снимался вопрос о тесноте, да еще и получалась солидная экономия электричества.

Проводив мужа в Москву, Надежда предвкушала, как она будет вставать не очень рано, съедать стаканчик йогурта и садиться за компьютер. Поработать часа три-четыре – и этого

вполне хватит, ведь никто не будет мешать ей разговорами, отрывать по пустякам, а телефон можно на это время вообще отключить.

К часу дня – примерно – работу можно заканчивать. Затем – второй завтрак, или ланч – тарелочка овощного салата и стакан сока. После ланча можно заняться хозяйством либо же (что гораздо предпочтительнее) своей внешностью, а именно – давно пора посетить парикмахерскую, заглянуть в косметический кабинет и прикупить кое-что из дамских мелочей. Кроме того, у нее «накопилась» пара-тройка приятельниц, с которыми просто необходимо встретиться и поболтать, желательно вне дома, чтобы никто им не мешал. Погода стоит отличная, можно прогуляться и совместить приятное с полезным, и, если отважиться выпить где-нибудь чашечку кофе, то можно будет посчитать это обедом. На ужин – классические два яблока, как советуют все без исключения диеты, немного почитать, а потом наступит глубокий и здоровый сон.

«Разумеется, если ты сможешь заснуть, – говорил Надеждин ехидный внутренний голос, – не помешает ли тебе голодное урчание в животе?»

Так или иначе, но план выглядел превосходным, и Надежда уже предвкушала, как она расцветет и похорошеет от такого здорового образа жизни, но судьба немедленно внесла свои коррективы в ее замыслы.

Проводив в воскресенье утром мужа в Москву – Сан Саныч предпочитал ездить дневным сидячим поездом, он плохо спал в дороге, – Надежда рассеянно бродила по квартире. Новую жизнь она решила начать с понедельника, а сейчас колебалась – позвонить ли близкой подруге Алке либо расположиться на диване с детективом и котом под боком?

Судьба сама вмешалась и потревожила ее телефонным звонком.

– Надя, – как-то неуверенно проговорила Надина мать, – тут мне принесли телеграмму...

– Телеграмму? – встревожилась Надежда. – Какую телеграмму, откуда?

– Из Нукуса, – ответила мать.

– Какого еще Нукуса, что это?

– Это такой город, – против обыкновения, мать не пришла сразу же в ярость от непонятливости Надежды, а отвечала терпеливо на все ее вопросы, – это город такой, в Каракалпакии.

– Знать бы еще, где эта Каракалпакия, – проворчала Надежда, – ну, так что Нукус? От кого телеграмма-то?

– Подписана – В. Сперанская, – объяснила мать.

– А кто такая В. Сперанская? – спросила Надежда, потому что ей эта фамилия ни о чем не говорила.

– Понятия не имею, – честно ответила мать, но в тоне ее Надежда не услышала категоричности. – Вот, послушай: «Буду в Ленинграде пятнадцатого встречайте поезд шестьсот четырнадцать вагон четвертый В Сперанская».

– Все ясно, – Надежда облегченно вздохнула, – перепутали на почте адрес.

– Да нет, я уже звонила на почту, все правильно, – обреченно ответила мать.

– Значит, перепутали не у нас на почте, а в этом, как его... Укусе. – Надежда понемногу начинала раздражаться, потому что неведомая ей В. Сперанская грозила испортить будущую радостную неделю.

– Нукусе, – поправила мать, и вновь Надежда поразила ее терпению. – Знаешь, Надя, – продолжала мать задумчиво, – что-то такое брезжит у меня в мозгу... Сперанская... Нукус... но я не могу вспомнить, склероз, видимо, все-таки у меня есть.

– Что ты, мама, – Надежда забеспокоилась, не заболела ли мать, потому что у нее всегда была отличная память и ни о каком склерозе речи не заходило.

– Пятнадцатое – это сегодня, – продолжала мать, – и если окажется, что мы должны знать эту Сперанскую, получится очень неудобно. Человек едет из такой дали... а мы даже встретить ее не можем.

– Ну, знаешь! – вскипела Надежда. – Я лично уверена на двести процентов, что никогда в жизни не слышала этой фамилии – Сперанская! То есть слышала, – поправились она, – это министр такой был в девятнадцатом веке при Александре Первом – Сперанский.

– При чем тут Александр Первый?! – вскипела, в свою очередь, мать. – Надежда, не валяй дурака! – И поскольку Надежда угрюмо промолчала, мама заговорила чуть тише: – Знаешь, надо бы ее встретить. Если выяснится, что это ошибка – ну, проводишь ее до нужного места, у кого-то же она остановится? Или в гостиницу...

– Так я и знала! – вскричала Надежда. – Так я и знала, что ты пошлешь меня туда – не знаю куда! Ну сама подумай, кого я должна встретить? И где, на каком вокзале? Куда приходит поезд и когда? Может, он уже пришел? Где находится эта самая, как ты говоришь, Каракалпакия? На Кавказе?

– Кажется, да, – неуверенно пробормотала мать, – рядом с Адыгеей...

– Да ты что! Адыгея – это на Дальнем Востоке! – уверенно заявила Надежда. – Роман такой есть – «Последний из адыге». Дерсу Узала его звали, я точно помню...

– Ага, – ехидно ответила мать, – Дерсу Узала, говоришь? Надежда, ты меня, конечно, извини, но это уже не склероз, это – маразм! Потому что роман называется «Последний из удэге», и этот самый Дерсу Узала к Адыгее не имеет ни малейшего отношения!

– Слушай, при чем тут вообще Адыгея? – не выдержала Надежда. – Мы же ищем Каракалпакию!

– И правда! – обрадовалась мать. – Значит, бог с ней, с Адыгеей. А как ты думаешь, где может быть эта Каракалпакия?

– Ну, если Кавказ тебе не подходит, тогда, я думаю, она где-нибудь в низовьях Волги, там степи такие... еще президент у них миллионер...

– Надежда, – закричала мать так громко, что кот Бейсик отпрыгнул от телефона, как ошпаренный, – ты ведь училась в школе гораздо позже меня! Географию своей страны нужно знать! Там, в низовьях Волги, – Калмыкия, это у них президент Илюмжинов – миллионер!

– Ты точно знаешь? – расстроено переспросила Надежда. – Ну, тогда я и не знаю, где ее искать, эту Каракалпакию.

– Значит, так, – строго сказала мать, – кончаем эту самодеятельность! Я сейчас достану карту Советского Союза и отыщу там Каракалпакию. А ты, будь добра, позвони в справочную и выясни, когда и на какой вокзал прибывает поезд номер шестьсот сорок четыре.

«Больше мне делать нечего!» – хотела было сказать Надежда, но промолчала – с матерью спорить – себе дороже обойдется.

Поезд номер шестьсот сорок четыре оказался московским и прибывал он на Московский, соответственно, вокзал ровно в двадцать три часа пятьдесят пять минут по московскому времени.

Чтобы выяснить это, Надежде понадобилось всего-то минут сорок повисеть на телефоне, чтобы пробиться в справочную. Как только она повесила трубку, позвонила мать.

– Слушай, Каракалпакия, оказывается, в Средней Азии! – обрадованно закричала она. – С одной стороны ее омывает Аральское море...

– Какое море? Его же нет давно, – перебила ее Надежда.

– А Каракалпакия – есть! – стояла на своем мать. – В общем, она входит в состав Узбекистана. Наверное, через Ташкент поезд идет...

– Да-да, я уже знаю.

Выслушав все про поезд, мать помолчала.

– Знаешь, я тут все думала, думала... и вспомнила. У твоего отца была тетка... нет, кажется, двоюродная сестра... нет, все-таки она была теткой его... двоюродной, а может, троюродной.

– Никогда в жизни у отца в родне не было никаких Сперанских! – заявила Надежда. – Мы бы знали.

– А вот ее фамилия, кажется, была Сперанская, – гнула свое мать, – хотя замужем она вроде бы не была... а может, и была... как-нибудь так, случайно и недолго, а фамилия так и прилипла.

– Мама, все эти твои рассуждения притянуты за уши! – Надежда представила, как ей придется торчать поздно вечером на Московском вокзале, и очень разозлилась.

– Но ведь кто-то с такой фамилией едет к нам из Каракалпакии, – резонно возразила мать, – так я тебе скажу, что – кроме этой тетки – больше никому.

– Тетка отца... – протянула Надежда. – И сколько же ей может быть сейчас лет?

– За восемьдесят, – дипломатично ответила мать.

– Замечательно! Встречать полоумную старуху, которую я никогда в жизни не видела! Как она хоть выглядит?

– Откуда я знаю? – удивилась мать. – Я тоже никогда в жизни ее не видела. Дело в том, что ее сослали в Каракалпакию в пятьдесят втором году. А до этого она еще лет пять пребывала в местах отдаленных.

– Дальше Каракалпакии? – удивилась Надежда.

– На севере, – отмахнулась мать, – и не спрашивай меня больше, ничего я про это не знаю. Мы с твоим отцом поженились в пятьдесят четвертом, ты родилась в пятьдесят пятом. Сама посуди, откуда я могла ее знать?

– За что ее посадили и сослали?

– Ой, да какая теперь разница! – рассердилась мать. – Знаю только, что потом, когда уже всем можно было возвращаться, она наотрез отказалась уезжать из своего Нукуса. Так и сказала: я, говорит, не желаю болтаться по всей стране, как цветок в проруби! То меня сюда, то теперь обратно туда! Знать ничего не знаю!

– Характер, – заметила Надежда.

– Вот-вот, отец рассказывал, что характер у нее всегда был скверный.

– В этом мы скоро будем иметь возможность убедиться лично, – зловеще проговорила Надежда – и оказалась права.

К вечеру Надежда поехала к матери на Литейный – оттуда ближе было к вокзалу. Мать напоила ее чаем и показала выцветшую любительскую фотографию. Большая семья сидела за столом на дачной веранде. Надежда узнала совсем молодого отца и бабушку, было еще несколько знакомых лиц.

– Вон там, в углу, за самоваром, – сказала мать, – это она, тетя Вася.

– Что?! – изумилась Надежда. – Как ты ее назвала?

– Васса Иринарховна Сперанская, сокращенно – тетя Вася, – посмеиваясь, сказала мать.

– Господи помилуй! – воскликнула Надежда. – Придется мне орать это имечко вслух, стоя возле вагона, потому что я не могу ее разглядеть – самовар отсвечивает. Слушай, я понимаю, Нукус – это, конечно, край света. Но телефонная связь-то там имеется? Неужели нельзя было позвонить и предупредить? Или хотя бы выяснить – а может, нас нету? Может, мы в отпуск уехали? И вообще, какого черта она сюда едет?

Мать только пожала плечами.

Московский вокзал ночью – не самое подходящее место для одинокой интеллигентной женщины. Надежда в седьмой раз прошла мимо молодого краснощекого милиционера и в ответ на его подозрительный взгляд дружелюбно улыбнулась.

Поезд номер шестьсот четырнадцать опаздывал почти на три часа. Купив у полусонной тетки в круглосуточном бистро еще один стаканчик кофе, чтобы отогнать сон, Надежда посмотрела на электронное табло.

Мурманский поезд прибыл по расписанию, скорый из Нижнего Новгорода опоздал на каких-то двадцать минут, и только «шестьсот четырнадцатый-веселый», как назвал его бойкий носильщик, не подавал никаких признаков жизни.

Надежда уже выяснила, что этот неторопливый поезд согласован с маршрутом Ташкент – Москва, а поскольку ташкентский опаздывает по определению, то и «шестьсот четырнадцатый» тоже никогда не приходит вовремя.

Электронные часы показывали уже без четверти три, самое глухое время, когда бороться со сном почти невозможно. Несколько полусонных встречающих, как и Надежда, слонялись по залу, возле памятника Петру брэнчали на гитаре неугомонные туристы, развалившись на груде рюкзаков и спальников, да пара бдительных мешочниц-челноков пасла отару необъятных клетчатых сумок.

Вновь обойдя зал, Надежда остановилась возле лотка с разноцветными книжками. Небритый продавец проснулся и забормотал:

– Дама, возьмите любовный роман номер шестьсот четырнадцать – отличное чтение в дорогу...

– Что это за число такое магическое? – удивилась Надежда. – Поезд – шестьсот четырнадцатый, роман – шестьсот четырнадцатый... как-то это не к добру! Я, вообще-то, любовные романы не читаю, мне бы лучше детектив, да и не еду я никуда, я встречаю поезд.

– Ну, если детектив – возьмите Мымрину, «Похороненный в зоопарке», отличная вещь!

– Да ведь тут написано – серия «Детектив на ночь», то есть вместо снотворного, а мне бы, наоборот, чтобы не уснуть!

– Тогда возьмите Неспанского – «Загрызенные бульдозером». Леденящая кровь вещь! Вообще спать перестанете!

Надежда вежливо поблагодарила его и в сотый раз оглянулась на табло. На нем наконец появилась долгожданная надпись:

«Пассажирский поезд № 614 Москва – Петербург прибывает на третью платформу, правая сторона».

Узнав, что нумерация вагонов начинается «от Москвы», Надежда отправилась на платформу.

Пассажиры этого поезда разительно отличались от тех, кто приезжает на деловой традиционной «Красной стреле», представительном «Николаевском» или скоростном респектабельном «Р-200». Если на тех поездах из Москвы в Петербург прибывают хорошо одетые, энергичные, выспавшиеся деловые люди с маленькими чемоданчиками и большими бумажниками, постоянно курсирующие между двумя столицами, то на «шестьсот четырнадцатом» приехали люди, чье путешествие началось в горных кишлаках Таджикистана, в узбекских поселках или захиревших пограничных воинских гарнизонах, люди, преодолевшие тысячи километров и четыре границы, свыкшиеся с поездом, как с родным домом, и не ожидающие от будущего ничего хорошего.

Навстречу Надежде брели по перрону худые, сожженные солнцем таджички неопределенного возраста, нагруженные поклажей, как верблюды, и пытающиеся не растерять своих бесчисленных детей; седобородые аксакалы в замызганных ватных халатах и позолоченных тюбетейках; обиженные на весь мир военные отставники; растерянные узбеки с мешками чарджоуских дынь, запах которых мгновенно заполнил помещение вокзала, перебив тяжелые тоскливые запахи толпы – запахи немых тел и бесконечной дороги.

Толпа равнодушно обтекала обозленных носильщиков, на всякий случай собравшихся к поезду, хотя и знающих по опыту, что пассажиры «шестьсот четырнадцатого» их услугами не пользуются.

Четвертый вагон был почти в самом конце перрона, и, пока Надежда дошла до него, толпа понемногу поредела. У входа в вагон на Надежду Николаевну набросилась маленькая коренастая проводница с криком:

– Это вы старуху встречаете? Ну, слава богу, у меня больше сил нет!

Надежда подозрительно взглянула на коротышку. За ее спиной в тамбуре возвышался величественный силуэт, при виде которого Наде сразу пришел на память Константин Сергеевич Станиславский.

Проводница ловко метнула на перрон огромный чемодан, помогла монументальной старухе преодолеть последнее препятствие и поспешно скрылась в вагоне.

При свете люминесцентных ламп сходство старухи со Станиславским усилилось: то же удлиненное породистое лицо с выражением брезгливого недоверия, то же пенсне с черной шелковой лентой...

– Тетя Вася? – неуверенно осведомилась Надежда.

– Ну, наконец-то! – старуха чуть откинула свою голову «Станиславского» и оценивающе оглядела Надежду. – Я уже думала, что за мной никто не придет! Ты кто?

– Я дочка Татьяны Васильевны, – робко доложила Надежда. Она неожиданно почувствовала себя маленькой девочкой, и ей страшно захотелось сделать книксен. Остановило ее только то, что она весьма смутно представляла себе, что это такое.

– У Тани есть дочка? – изумилась старуха. – Ах да, мне, кажется, писали, что Коля женился на Тане, и у них родилась девочка...

Надежда решила все разговоры по выяснению степеней взаимного родства отложить на потом и замахала рукой носильщику. Тот радостно подкатил свою тележку, но старуха величественно мотнула головой:

– Что за барские замашки! В жизни не пользовалась носильщиками! У меня всего-то багажа – два места. Интеллигентный человек должен ездить налегке.

Носильщик разочарованно удалился. Надежда тяжело вздохнула и шагнула к теткинemu багажу. Этот багаж состоял из небольшой черной сумки и огромного допотопного фанерного чемодана с металлическими уголками. Тетка подхватила сумку и быстро зашагала по перрону. Надежда взялась за ручку чемодана и охнула. Этот монстр весил не меньше центнера!

Кое-как протащившись первые десять метров, Надежда закричала гордо удалявшейся старухе:

– Тетя Вася! Не бегите так, мне за вами не успеть!

Тетка обернулась на нее с высокомерным недоумением и пробасила:

– До чего изнежена нынешняя молодежь!

Причисление ее к молодежи Надежде Николаевне очень польстило, и она прохромала на чистом энтузиазме еще метров двадцать. Рука отрывалась, плечо ныло, сердце колотилось в грудную клетку, как граф Монте-Кристо – в стену своей камеры.

– Тетя Вася, постойте минутку! – взмолилась несчастная. – Что у вас там такое?

– Только самое необходимое! – отчеканила старуха, но все же остановилась, снизойдя к слабости молодого поколения.

С огромным трудом, останавливаясь через каждые десять шагов, что неизменно вызывало теткинo ворчание, Надежда доволокла неподъемный чемодан до стоянки такси. К пущему своему расстройству, она заметила, что железные уголки чемодана вдрызг разодрали ее хорошие новые колготки.

«А еще семьдесят ден! – с обидой подумала она. – Прочные, называется! Хотя таким чемоданом и чертову кожу порвешь!»

Единственный на стоянке частник заломил несусветную цену. Тетка гордо заявила, что за такие деньги она ни за что не поедет, и вообще, нельзя поощрять спекуляцию, но Надежда была

окончательно сломлена чемоданом, мечтала только о том, чтобы доставить обоих – чемодан и тетку – до места ночлега, и согласилась не торгуясь.

Ко всем прочим удовольствиям, в доме у матери не было лифта, так что чемодан пришлось еще и поднимать на третий этаж.

Мать, совершенно зеленая от перенесенных волнений, открыла дверь. Надежда первым втолкнула в прихожую чемодан, и это чудовище неожиданно распахнулось, вывалив на пол грудую каких-то зеленовато-серых черепков, кое-как обернутых белыми чистенькими тряпочками.

– Что это?! – завопила Надежда, подняв с полу особенно замызганный черепок, покрытый какими-то чудовищными каракулями. – И вот это я тащила на себе через весь город?

– Осторожно! – вскрикнула тетка, ворвавшись в квартиру и выхватив черепок у Надежды из рук. – Ты не представляешь, какое это сокровище!

Она поправила пенсне, гордо вытянула перед собой руку с черепком и торжественно прочла начертанные на нем клинописные каракули, сделавшись еще больше похожей на Станиславского, которого Надежда, конечно, никогда в жизни «живьем» не видела:

– О, приди же к нам, приди, львиноголовая Ламашту!

– О, приди же к нам, приди, львиноголовая Ламашту! – нараспев проговорил высокий человек в белых одеждах жреца, с длинными черными волосами, перехваченными белой лентой.

– О приди к нам, поднимись из своих подземных чертогов, приведи за собою своих страшных спутников! Приведи за собой уткугов и асакков, тени мертвых и духов преисподней! Приведи за собой этимли и галле, злых демонов черной полночи! Приведи голодные призраки галле лемнуге!

Жрец ударил коротким жезлом в медный гонг, и гулкий тоскливый звон поплыл по святилищу, отражаясь от его сырых неровных стен, заставлял колебаться пламя дымных чадящих факелов.

– Слушай, слушай нас, великий Бел-Энлиль, двуединый Бел-Ашшур! Слушай нас, мудрый! Молимся мы тебе и славу поем тебе, но призываем сегодня черную твою дочь, порождение тьмы, львиноголовую Ламашту. Ей, вечно живой и вечно мертвой, приносим мы сегодня великую жертву!

Жрец снова ударил в гонг, и из-за парчового покрывала, скрывавшего темный угол святилища, появились двое его прислужников – двое высоких людей в белых одеждах и золотых масках с черными провалами глаз.

Или не были эти двое людьми? Страшным, неземным холодом повеяло в святилище при их появлении.

Правда, здесь, в этом тайном подземелье, и без того было холодно и сыро, дымные факелы едва рассеивали мрак в помещении, где теснились несколько десятков посвященных. Только Жрец с Жезлом Власти в руке и позолоченный алтарь были ярко освещены, как сцена в театре, и теперь на эту освещенную факелами сцену вышли двое златолицых.

– Прими, прими, львиноголовая, нашу великую жертву! – проговорил Жрец нараспев своим сильным красивым голосом.

Его прислужники подошли с двух сторон к алтарю и одновременно с новым ударом гонга бросили на его сверкающую поверхность три темных круглых предмета, извлеченных из складок белых развевающихся одежд.

Свет факелов стал на мгновение ярче, и в этом свете посвященные разглядели, что прислужники возложили на алтарь три отрубленных человеческих головы.

Вздых ужаса пробежал по святилищу, но не успел еще стихнуть этот вздох, как новый звук наполнил подземелье: низкий звериный рев, одновременно тоскливый и радостный, завораживающий и леденящий кровь...

Посвященные отшатнулись от алтаря, сбились в плотную кучу, как овцы сбиваются плотнее при приближении хищника. Каждому хотелось почувствовать человеческое тепло соседа, отгородиться этим теплом от ледяного ужаса преисподней...

Едва лишь стих звериный рык, как Жрец пропел радостно и победно:

– Слава, слава тебе, львиноголовая! Ты приняла нашу жертву, приняла наш дар! Приди же, приди к нам, оставь ненадолго свое подземное царство! Знаю, диким зверем рыщешь ты по ночам, отгрызаешь головы одиноких путников, лакомишься ими, хищная, как люди лакомятся шербетом и виноградом. Мы – верные твои слуги, мы принесли тебе сегодня жертву и впредь будем неустанно служить тебе! Приди, приди же к нам, львиноголовая Ламашту!

Голос Жреца затих, и некоторое время в святилище стояла тишина. Наконец он вновь ударил в гонг и заговорил:

– Боги, великие боги, Ану, Энлиль и Эйя, боги земли, неба и подземного мира! Сегодня к вашему стаду прибилась еще одна овца, еще один новый слуга пришел, чтобы служить вам! Один из Древних, верный сын сураев, он хочет предстать сегодня перед вашим лицом!

Златолицые служители Жреца подошли к толпе посвященных и вывели из нее за руки смуглого юношу с черными курчавыми волосами. Подойдя к алтарю, юноша, повинуясь знаку жреца, опустился на колени.

– Повторяй за мной, ягненок! – произнес Жрец тихо и непривычно мягко, а затем вновь возвысил голос:

– Я, сураи, ассириец, потомок древних властителей Земли...

– Я, сураи, ассириец... – как эхо, повторил юноша.

– Пришел сегодня, чтобы предстать перед алтарем своих отцов...

– Перед алтарем отцов...

– Пришел, чтобы служить вам, великие боги, Ану, Энлиль, Эйя, вам, Бел-Энлиль и Бел-Ашшур, и тебе, дочь тьмы, ужас преисподней, львиноголовая Ламашту! Мой народ во славе правил Землей, когда не было даже имен всех других народов, когда только владыка ветра Адад пас свои стада на безлюдных равнинах! Мы, айсоры, сураи, древнее древних, и наше право – священо. Я пришел к алтарю своих предков, чтобы вернуть эту священную власть. Примите меня в свое лоно, великие боги Ассирии!

В подземелье послышался вдруг исполинский по силе вздох, и порыв холодного ветра на мгновение погасил все факелы, все светильники. Но тьма недолго царила в святилище: дымные факелы вновь вспыхнули словно бы сами собой. Все было как прежде, только на позолоченном алтаре не было человеческих голов.

– Боги приняли жертву! – радостно провозгласил Жрец. – Теперь ты – один из нас, сын мой!

С этими словами Жрец достал из складок своей одежды короткий золотой нож и провел им по вытянутой вперед руке нового собрата. Капля крови упала на алтарь, и Жрец еще раз ударил в гонг.

Когда томительный звон затих, он провозгласил нараспев:

– Посвящение совершилось!

В унылой задумчивости Надежда пила остывший кофе и тяжело вздыхала. О том, чтобы сегодня сесть и поработать, не могло быть и речи. Голова ее гудела как медный котел, казалось, что вместо волос у нее, у Нади, растут змеи и ящерицы, словно у Медузы Горгоны. Вчера Надежда так разозлилась на зловредную старуху, заставившую ее тащить какие-то глиняные черепки, что, едва дождавшись открытия метро, опрометью выбежала из квартиры матери,

чтобы не устроить скандал. Впрочем, тетя Вася и не заметила, надо думать, ее отсутствия. Сразу же по приезде она удалилась в отведенную ей комнату и начала разбирать свои драгоценные глиняные черепки, бормоча при этом какие-то заклинания.

Уже у двери Надежда выразительно покрутила пальцем у виска и показала глазами в сторону теткиной комнаты. Мать только тяжело вздохнула.

Хорошее воспитание не позволило им поинтересоваться, за каким чертом тетя Вася притащилась в Санкт-Петербург, который, кстати, она упорно именовала Ленинградом, и сколько времени собирается здесь прожить.

Несколько минут Надежда боролась с упорным желанием отключить телефон, и как раз в эту минуту он зазвонил.

– Надя, – забормотала вполголоса мать, – если ты меня хоть немножко любишь, ты приедешь... У меня больше нет сил!

– А что еще она устроила? – нехотя поинтересовалась Надежда.

– Да ничего особенного. Просто после твоего ухода она заявила, что это у нас в городе сейчас шесть утра, а у них, в Нукусе, – другой временной пояс, и сейчас там позднее утро.

– Все ясно: девять часов – это у нее позднее утро, – вздохнула Надежда.

– Вот именно! А она, дескать, привыкла вставать рано... в общем, мы не ложились.

– Так-так, – зловеще вставила Надежда, – а сейчас ее нету, что ли?

– Сейчас она в ванной, да и вообще, она глуховата, слышит, только если громко говорят. И хочет идти куда-то по делам, а как ее одну отпустить? Она же к нашему транспорту не привыкла...

– Господи, да какие у нее там могут быть дела?! – не выдержала Надежда. – Ты выяснила, зачем она вообще приперлась?

– Как-то неудобно было спрашивать, – протянула мать, – а она не сказала.

Внутренне Надежда уже смирилась с неизбежным, она поняла, что придется ей тащиться сегодня к матери и присматривать за тетей Васей. Не понимала она только одного: за какие грехи бог послал им такое наказание? Ну да ладно, ему там сверху виднее.

Мать была бледная, с синими кругами под глазами – еще бы, после бессонной ночи, а тетя Вася выглядела как обычно. То есть Надежда понятия не имела, как выглядит тетя Вася обычно, но тетка была бодрой и язвительной, как и ночью.

– Ну и порядки у вас в Ленинграде! – вместо приветствия высказалась тетя Вася. – Второй час дня уже – а по-нашему – пятый, а они сидят себе, прохлаждаются! Ты что, пораньше приехать не могла? У меня дел невпроворот!

«А если тебе наши порядки не нравятся, то и сидела бы в своем Нукусе», – подумала Надежда, но вслух ничего не сказала.

– Тетя Вася, вы, может, приляжете? – предложила мать – без малейшей надежды на успех.

– Я прекрасно выпалась в поезде! – заявила старуха. – И вообще, у меня бессонница, я сплю очень мало. Итак, мы будем прохлаждаться или займемся наконец делом?

– Так-так, – произнесла Надежда и уселась на диване поудобнее, – давайте-ка присядем для начала и выясним: что у вас за дела и зачем вы вообще приехали в наш славный город Санкт-Петербург, да еще так срочно, что не смогли даже предупредить нас о своем приезде?

Мать делала ей за спиной тетя Васи укоризненные знаки, но характер у Надежды от природы был твердый, просто вчера ее выбили из колеи эти тяжеленные глиняные таблички и бессонная ночь на вокзале, но теперь она несколько отошла и решила не давать старухе спуска.

Тетя Вася выпрямилась во весь свой немалый рост, поправила пенсне и стала еще больше похожа на Станиславского. Однако, встретив твердый Надеждин взгляд, она как-то стушевалась и пробормотала, что послала же телеграмму заранее, надеясь, что уже за четыре-то дня она дойдет до адресата! Поскольку Надежда с матерью молчали, ожидая продолжения, тетя Вася принесла из своей комнаты какие-то бумаги и, время от времени саркастически критикуя

современную молодежь, под каковой она подразумевала всех людей моложе семидесяти лет, начала рассказывать.

Оказывается, Васса Иринарховна Сперанская была искусствоведом. Она стала искусствоведом еще в Петербурге, больше шестидесяти лет тому назад, и так и оставалась им по сей день. Там, в Нукусе, как-то постепенно за годы Советской власти образовался замечательный музей, потому что в Каракалпакию, оказывается, ссылали в свое время множество культурных людей. То есть ссылали их в самые разные места, но директор Художественного музея в Нукусе привечал сосланных искусствоведов и даже брал их на работу, взял он и тетю Васю. И она там до сих пор работала, хотя директор, конечно, давно умер.

Тетя Вася специализировалась на древнем ассирийском искусстве, и там, в Нукусском музее, она была единственным специалистом. Но достигла в своих исследованиях таких результатов, что ее не только не забыли в бывшем Союзе, а даже узнали за рубежом. Она состояла в обширной переписке со многими учеными и музеями, но никуда не выезжала из своего Нукуса.

В процессе теткиного монолога Надежда украдкой переглядывалась с матерью, и мать в ответ на ее вопросительные взгляды кивала головой – дескать, все правда, кое-какие сведения об этом просачивались к ним и раньше, пока был жив Надеждин отец.

– И вот пришло письмо из Эрмитажа. – Тетка потрясла письмом. – Скоро откроется выставка, и будет она называться «Ассирийское наследство». Экспонаты из коллекции немецкого барона фон Гагенау. Потрясающая коллекция! Мне очень нужно ее посмотреть! И сравнить некоторые записи на табличках, а для этого нужно было обязательно своими глазами увидеть оригиналы и поработать с ними без помех! Потому что Гротефенд, на мой взгляд, совершенно неправильно толковал некоторые вещи!

– Кто такой Гротефенд? – не удержалась от вопроса Надежда, и это было ее ошибкой.

Тетка немедленно впала в ярость.

– Каждый школьник должен знать, кто такой Гротефенд! – завопила она. – А уж тебе-то совершенно непростительно такое невежество! Живешь в большом городе, и такая необразованная! Может быть, ты не знаешь даже, кто такой Шлиман или Китченер?

Надежда знала, что Шлиман – это немецкий археолог, раскопавший Трою, и смутно помнила, что англичанин лорд Китченер, кажется, нашел гробницу фараона Тутанхамона, там еще потом многие заболели какой-то неизвестной болезнью и умерли, и пресса сваливала всю вину за их смерть на мумию Тутанхамона – дескать, нечего было тревожить царскую могилу, там специальное заклятье от воров наложили тысячу лет тому назад.

Но насчет Гротефенда у нее был полный провал в памяти.

– Это ученый, который первым расшифровал шумерские надписи, – милостиво пояснила тетя Вася, – каждый школьник...

– А у нас каждый школьник знает, кто такой Билл Гейтс! – невежливо перебила ее Надежда. – Ему это нужнее. А вы знаете, кто это такой?

Вопрос был провокационный, но хитрая старуха сделала вид, что не расслышала его.

– И вот, – продолжила она как ни в чем не бывало, – обещали мне оплатить дорогу и проживание в гостинице, но, как водится, потом оказалось, что денег нету, и пришлось мне ехать на свои, кровные. А так бы я вас не беспокоила, – она покосилась на Надежду.

– Что вы, тетя Вася, – забормотала пристыженная мать, – живите сколько хотите, место у меня есть...

– И на том спасибо! – припечатала злобредная старуха.

Надо отдать ей должное: тетя Вася была подвижна, легка на подъем и ела, что дают, так что, наскоро перекусив, Надежда на пару с престарелой искусствоведшей отбыли в Эрмитаж, причем Надежда заранее сочувствовала сотрудникам отдела искусства Древнего Востока.

Очаровательная блондинка в кремовом свободном пальто бросила белый «Мерседес» в ближайшем от ювелирного магазина переулке, прошла два квартала пешком и села в весьма подержанную бежевую «девятку». Водитель «девятки» уже успел снять и выбросить рабочий комбинезон и засаленную кепочку, и теперь о скандальном работяге, грозившемся раздавить бульдозером чужой джип «Лендкрузер», напоминали только жиденькие усики и совершенно невыносимые бачки.

– Ну? – произнес он и, внимательно глядя на дорогу, протянул руку.

Блондинка отдала ему красиво упакованную коробку. Водитель скосил на коробку заблестевшие глаза и убрал ее за пазуху простой плащевой куртки.

Блондинка расстегнула пальто и произвела некоторые манипуляции, после чего вытащила из-под свободного свитера подушку. Благополучно разрешившись таким образом от брени, блондинка сняла парик и превратилась в шатенку. Убрав подушку и парик в полиэтиленовый пакет, девушка достала косметичку и занялась лицом. Она стерла яркую помаду, и ее ротик из кукольно-капризного стал вполне обычным. Она смочила ватку тоником и стерла вообще весь макияж, оставив только слегка подкрашенными длинные ресницы. Теперь в зеркальце отражалось ее, несомненно, миловидное лицо, но абсолютно не бросающееся в глаза.

Водитель в это время оторвал поочередно оба бакенбарда и усы и выбросил их в окно машины, после чего подмигнул девушке в зеркальце.

– Кузьмич ждет? – спросила девушка.

– Как обычно, – последовал спокойный ответ, после чего эти двое замолчали и больше не разговаривали.

Водитель притормозил у помойки, и девушка выбросила пакет с подушкой и париком. Увидев, что она оставила пальто, мужчина нахмурился и поглядел на нее строго-вопросительно. Девушка рассмеялась и подошла к бомжихе, непременной обитательнице каждой приличной помойки. Бомжиха сидела у стены, подложив под себя картонные коробки, и грелась на мягком осеннем солнышке.

– Бабушка, держи! – обратилась к ней девушка и бросила на колени бомжихе дорогое кремовое пальто.

– Какая я тебе бабушка! – заворчала было бомжиха, но, разглядев пальто, примолкла.

Она подняла глаза на девушку, но машины уже и след простыл.

На этот раз девушка села на заднее сиденье – там удобнее было переодеваться. И, когда машина остановилась во второй раз, из нее вместе с водителем вышла молодая женщина, подчеркнута скромно одетая – черные джинсы, черная кожаная куртка, прямые темные волосы с рыжеватым отливом едва достигают плеч.

Оба действовали быстро и согласованно. Мужчина по предварительной договоренности должен был сейчас отнести кольцо скупщику – нельзя долго держать у себя такую дорогую вещь.

Не доходя до нужного дома, они разделились. Девушка слегка пожала руку своему спутнику и свернула в небольшое кафе типа «Макдоналдса» – там подавали так называемую быструю еду. Взяв у стойки пластиковый стаканчик с кофе, она устроилась за столиком у окна, положив перед собой мобильный телефон. Не оглянувшись на нее, мужчина скрылся в подъезде.

Они работали вместе уже немало времени и успели привыкнуть и изучить друг друга. И к скупщику этому они обращались не впервые. Маловероятно, чтобы он надул их или ограбил. Его также не стали бы грабить – куда потом ворованное понесешь, если всех скупщиков извести? Но какой-нибудь сообразительный браток мог бы догадаться, что человек, выходящий от скупщика, вполне может иметь при себе большие деньги. На такой случай следовало подстраховаться.

Девушка пила кофе маленькими глотками и посматривала на мобильник. По первому же сигналу она войдет в подъезд и будет ждать там своего напарника.

Леня Маркиз не был вором в обычном понимании этого слова. Не был он и бандитом – никогда не отнимал у людей деньги с оружием в руках. Напротив, он так умел организовать свои операции, что люди сами отдавали ему деньги и ценности.

Леня Маркиз был мошенником. Но не мелким жуликом, обирающим доверчивых провинциалов на вокзале или возле станции метро зазывающим замотанных женщин на беспроигрышные лотереи.

Нет, Леня Маркиз динамил только богатых лохов, в этом был высший пилотаж, от этого он получал наибольшее удовлетворение. Провести этих хозяев жизни, которые сами считали себя умнее других, было его целью, ну и разумеется, прихватить солидный куш.

Все операции Маркиз тщательно разрабатывал лично и очень редко действовал по наводке, он никому не доверял. Напарницу он тоже подбирал тщательно, долго присматривался к ней – и не ошибся.

Они заключили между собой чисто деловое негласное соглашение, их связывала только работа. В свободные от операций дни они вообще не встречались.

– В нашем с тобой союзе, – говорил Маркиз, – есть только один неприятный момент: мы вынуждены доверять друг другу.

– В разумных пределах, – отвечала его партнерша со смешком.

Из-за этого ее смешка Маркиз каждый раз испытывал легкое беспокойство. Но как партнерша она полностью его устраивала. Они договорились в начале знакомства, что не будут интересоваться личной жизнью друг друга, так что он не хотел начинать слежку за ней, хоть и знал, что это необходимо будет сделать впоследствии.

Они познакомились случайно. Маркиз забежал выпить кофе в «Синий попугай» – довольно-таки приличное кафе в центре, недалеко от вокзала. Он оказался в этом районе по делам, и ему требовалось как-то скоротать сорок минут.

В кафе было пусто. Маркиз удобно расположился в уголке и с удовольствием вдохнул запах свежемолотого кофе. Официантка улыбнулась ему весьма приветливо, приняв заказ, таким образом, он был уверен, что кофе ему сварят отменный. Леня Маркиз закурил и откинулся на спинку стула.

В дверях кафе возникла пара – немолодой, весьма представительный господин в аккуратной, но несколько потертой пиджачной паре, и молоденькая девица, по растерянному взгляду и розовым щекам которой нетрудно было распознать приезжую.

Старик бережно взял свою спутницу под руку и легонько подтолкнул ее к столику. Они сели не очень далеко от Маркиза, и он от скуки принялся разглядывать случайных соседей.

У девицы явно сегодня был не самый удачный день. Выглядела она неважно: волосы всклокочены, нос красный. Девица часто сморкалась и всхлипывала, из чего Маркиз сделал вывод, что она не больна, а просто долго плакала. Тушь с ресниц уже вся размылась, и девица размазывала ее остатки по щекам носовым платком не первой свежести.

Маркиз опытным взглядом окинул парочку и сразу же просек ситуацию. Слишком уж благообразно выглядел старичок для того, чтобы быть порядочным человеком. Черная шляпа, потертый пиджачок и чистая белая рубашка... Просто классический вариант благородного отца из Саратова, как говорилось в старых театральных пьесах.

Все ясно: девица приехала из какого-нибудь Замухрыщенска, и на вокзале ее обокрали. И тут рядом «случается» симпатичный, вызывающий доверие старичок, напоминающий не то артиста на пенсии, не то бывшего учителя литературы. Вполне возможно, а скорее всего, так оно и есть, тот ворюга, укравший у дурехи последние деньги, действовал по сговору со стариком. Для дедули главное – заманить дурынду в кафе, а уже там он сумеет вызвать ее полное доверие. И вовсе не будет он девицу спаивать, для этой цели и выбрал он приличное кафе, и

возьмет он ей только кофе и что-нибудь сладкое. Заболтает бесконечными разговорами, убедит в своем хорошем отношении, и дурочка сама пойдет к нему домой, потому что ей больше некуда идти. А уж там старый негодяй найдет способ подчинить ее своей воле – сначала сам попользуется, а потом передаст в «надежные руки». И все – пропала девчонка! Сама виновата – нечего было рот разевать на вокзале.

Маркиз отвернулся к окну, потому что ему стало неинтересно смотреть на такое безобразие. Когда он снова взглянул на парочку, им уже принесли заказ – кофе и пирожные. Девушка сняла серенькую непритязательную курточку и осталась в бесформенном зеленом свитере с грязно-белыми разводами. Потом она взяла чашку и стала пить кофе, смешно оттопырив мизинец. Старикан что-то тихо и проникновенно говорил ей вполголоса, очевидно, вешал лапшу на уши. Вот он достал из старомодного бумажника фотографию – небось семейная, дети, внуки... Вот врет-то! Вообще-то, не такой уж он и старик, нарочно себе возраст прибавляет, чтобы девушка к нему доверие почувствовала.

Вот, видно, он предложил ей поехать к нему домой переночевать – дескать, жена будет рада, мы все должны помогать друг другу, и все такое прочее.

Девушка растерянно хлопала глазами и даже отодвинулась чуть-чуть от старика. Никуда не денешься, поедешь как миленькая!

Маркиз взглянул на часы – пора уходить. В это время растяпа-девушка уронила пирожное на пол. Засмушалась, покраснела как рак, подняла его и завернула в салфетку, а сама вроде снова собралась заплакать. Старичок отечески погладил ее по руке и отправился к стойке за новым пирожным.

Маркиз поднял было руку, подзывая официантку, но в это время случилось нечто такое, что он схватил с соседнего столика забытую кем-то газету и сделал вид, что внимательно ее изучает. Девушка, осторожно оглянувшись по сторонам и убедившись, что старик занят у стойки и никто за ней не наблюдает, капнула в его кофе что-то из пузырька, неведь как оказавшегося в ее руке.

Маркиз не поверил своим глазам, он буквально разинул рот! Девушка вдруг зыркнула в его сторону, и он еле успел отвести взгляд.

Маркиз раздумал уходить, хоть время уже поджимало, он просто не мог не разобраться во всей этой истории. По всему выходило, что девушка – динамистка! Старикан потеряет сознание – и она вытащит его бумажник, а дальше – поминай ее как звали. Мало ли стариков, которым стало плохо на улице!

История самая обычная, но Маркиза поразило другое. Как он мог так обмануться! Девушка выглядела совершеннейшей деревенской дурой. И дело было не в ее одежде. Весь ее внешний вид, повадки, взгляды, манера разговора... это растерянное хлопанье глазами... даже плакала она совершенно натурально!

И больше того: она сумела провести старика, а уж у него-то глаз на таких наметан – будь здоров! Это его работа.

Старик вернулся с пирожным, девушка благодарно улыбнулась ему и начала деликатно откусывать от него маленькие кусочки. Через некоторое время движения старика стали какими-то замедленными, он отер платком вспотевший лоб, сделал попытку расстегнуть пиджак и откинулся на стул. В ту же секунду девушка вскрикнула:

– Иван Галактионович, вам плохо?!

То ли старик сам представился ей таким диковинным именем, то ли она нарочно его так назвала. Немногочисленные посетители кафе лениво повернули головы на крик. Девушка уже шарила по внутренним карманам поношенного пиджака, бормоча: «Лекарство, лекарство, нитроглицерин...»

Маркиз готов был поклясться, что бумажник уже перекочевал в ее руки. Он понял, что девушка совершенно сознательно остановила свой выбор именно на этом старике, она-то, в отли-

чие от него, поняла, кто перед ней. Маркиз восхитился простотой и изяществом задуманных действий.

В самом деле, в большом городе полно девиц, которые знакомятся с мужчинами, приходят к ним домой или в гостиницу, капают им лекарство в спиртное и после того, как мужчина отрубается, забирают деньги, ценные вещи и исчезают. Их так и зовут – клофелинщицы. Но риск в этой профессии большой. Во-первых, клиент может оказаться не один в номере гостиницы или в квартире, а с двумя девушке справиться труднее. Во-вторых, лекарство может не подействовать, или клиенты что-то заподозрит... Сдадут девицу в милицию или сами отметелят – мало не покажется...

В данном же случае старикан сам был озабочен, как бы половчее охмурить деревенщину, не ждал от нее никакого подвоха и потерял бдительность. И денег в бумажнике у него – не как у рядового пенсионера, а все же побольше будет. И в милицию он обращаться ни за что не станет – у самого, что называется, рыльце в пушку, ни к чему ему милицию вмешивать.

– Я платок намочу! – крикнула девица, сорвавшись с места.

Туалет находился у входа в кафе, так что Маркиз справедливо посчитал, что ни посетители, ни персонал кафе, ни тем более старикан больше эту девицу не увидят. Но он так просто не хотел ее отпускать. Поэтому, бросив на столик деньги, Маркиз, стараясь не выглядеть торопящимся, вышел следом за ней.

Девица задержалась в туалете недолго, Маркиз как раз успел ее увидеть. Она сняла бесформенный свитер и спрятала его в яркий пакет. Теперь она оказалась в бордовой футболке с надписью «Наф-Наф». Волосы она расчесала и распустила. Лицо ее закрыли темные очки. Девица выскользнула из кафе никем не замеченная и, пройдя с десятков метров, попала прямо в объятия Маркиза.

– Заждался! – весело сказал он.

– Отвали, – процедила девица, и Маркиз не мог не удивиться.

Даже тембр голоса у нее изменился! Вообще, все стало другим – походка, движения, поворот головы...

Он ловко снял с нее темные очки и по ее взгляду понял, что она его узнала – успела срисовать там, в кафе. Наблюдательная, значит, а это в их деле обязательно.

– Отвали, мент поганый! – отбивалась девица.

– Я похож на мента? – Он поглядел ей в глаза.

– Нет, – неуверенно ответила она.

– То-то же! Тогда садись в машину, уедем отсюда и поговорим в более спокойном месте.

Девица оглянулась на дверь кафе и согласилась.

Она представилась ему Лолой.

– Лолита Писаренко.

– Самое то имечко, – усмехнулся Маркиз, – очень тебе подходит.

Он не сомневался, что имя выдуманное.

С тех пор они очень плодотворно сотрудничали, Лола ни разу его не подводила, и он ни разу не пожалел, что выскочил тогда за ней из «Синего попугая».

Маркиза долго разглядывали в глазок. Наконец загремели бесчисленные замки и запоры, и знаменитая бронированная дверь, способная – по ее виду – выдержать прямое попадание артиллерийского снаряда, приоткрылась на четверть. В проеме показалась подозрительная физиономия Кузьмича.

– Ты, Маркизушка? – спросил он, будто в глазок его не разглядел. – Заходи скорее, а то квартиру выстудишь!

Старый черт боялся, конечно, не сквозняков, а ограбления.

Маркиз вошел в квартиру. Коридор был завален, как обычно, немислимым хламом: кипами старых газет и журналов, рванными упаковочными коробками, велосипедными камерами, стоптанной обувью. Обои, ободранные кошачьими когтями, лоскутьями свисали со стен. В довершение эффекта запах от этих самых котов был таким густым, что на глазах у Маркиза немедленно выступили слезы. Раньше он, бывало, спрашивал Кузьмича, отчего тот так запустил свою квартиру, на что старик в обычной своей слезливой жалкой манере отвечал, что человек он бедный и на всякие там ремонты денег ему не хватает. Прекрасно зная, что Кузьмич – один из богатейших людей в городе, по крайней мере, в среде околориминальной публики, Маркиз решил, что тот нарочно живет в такой грязи и запустении, чтобы не вводить в соблазн случайного гостя. Хотя случайных гостей Кузьмич к себе никогда не пускал, а его бронированная дверь так или иначе наводила на мысль о том, что в квартире есть чем пожить.

Кряхтя и охая, потирая поясницу, старик провел Маркиза в свой кабинет. Здесь тоже царил немислимый беспорядок, хотя бедностью, конечно, не пахло: в углу были стопкой сложены холсты восемнадцатого и девятнадцатого веков, на столе и на низком комод в беспорядке громоздились бронзовые и серебряные подсвечники, статуэтки, столовые приборы. Больше всего этот кабинет напоминал тайное убежище, где разбойники складывают награбленную добычу... Впрочем, эта аналогия вполне соответствовала действительности.

В кабинете не пахло не только бедностью, но и котами: Кузьмич, совершенно распустив и разбаловав своих полосатых иждивенцев, в одном отношении был строг: в эту комнату им вход был запрещен под страхом изгнания из рая, то есть из его квартиры.

Кузьмич сел за стол, водрузил на нос очки и потер руки:

– Ну, что принес, Маркизушка?

Тощий, старый, весь какой-то словно бы выцветший, в бесформенной вязаной старушечьей кофте поверх сношенной тельняшки, в вытянутых на коленях тренировочных штанах, Кузьмич был на самом деле человеком жестким, цепким и безжалостным. Даже свою старость и беспомощность он нарочито преувеличивал, старательно горбясь и немощно шаркая ногами. Пару раз Маркизу случалось наблюдать проявления его недюжинной силы.

– Ну-ка, ну-ка... – Кузьмич осторожно развернул коробку, которую Маркиз поставил перед ним на стол, и вынул кольцо. Неторопливо вставил в глаз увеличительное стекло и надолго замолчал, то так, то эдак поворачивая украшение под ярким светом настольной лампы.

Маркиз, хорошо знакомый с отвратительной медлительностью старого скупщика, приготовился к долгому ожиданию. Бриллианты ослепительно вспыхивали в потоках света, играли многоцветными отблесками. Кузьмич задумчиво сопел, тяжело вздыхал, то склонял голову набок, то нагибался к самому столу. Наконец он поднял глаза на Маркиза.

– Ну? – спросил тот в нетерпении. – Сколько дашь, старая крыса?

– Нисколько, – безразличным тоном ответил скупщик.

– Что значит «нисколько»?! – закричал Маркиз, привстав с места. – Ты мне что, таракан довоенный, будешь впаривать, что эти брютлики – фальшивые?! Да я их у Лейбовича взял! Уж он-то в камешках толк знает, фуфло у себя в магазине держать не станет!

– Сядь! – рявкнул Кузьмич.

Лицо его напряглось и помолодело, в глазах загорелся бандитский бесшабашный огонь, а в правой руке неведь откуда появился ловкий вороненый «вальтер».

– Сядь, сямка! Сядь и не забывай, с кем разговариваешь! Ты мне, профессор гребаный, будешь лекцию о камешках читать?! Да я в камешках разбирался, как бог, еще в те давние времена, когда ты ездил по полу на горшке, пытаешься увернуться от папашиного ремня! Лейбович! Знаю я, кто такой Лейбович! Десять лет назад он так же, как я, скупал краденое, а сейчас Лейбович, видите ли, ювелир, магазин держит! Я тебе не говорю, что эти камни фальшивые. Это хорошие, приличные камни, и я заплатил бы тебе за них честную цену – половину от того, что они стоят. Но дело в том, что ты, паршивец, взял их не у того человека.

– Лейбович...

– При чем тут Лейбович! – прервал скупщик Маркиза. – Дался тебе этот Лейбович! Если бы Лейбович – я тебе ни слова бы не сказал. Ты взял это кольцо у Зарудного!

– Ну и что? – Маркиз в недоумении пожал плечами. – Кто такой этот Зарудный? Я навел справки – он бизнесмен, председатель акционерного общества. И когда ты, старая крыса, все это успел разнюхать?

– Ох, Маркиз! – простонал Кузьмич, схватившись за голову. – Справки ты навел! Если я сказал – ша, значит, ша! Этот Зарудный – такой человек, что, встретив его на улице, нужно перейти на другую сторону, издали раскланявшись. Его боятся даже те люди, которых очень боимся мы с тобой. И почему, ты думаешь, я так быстро узнал об этом колье? Так что вопрос закрыт.

Как бы иллюстрируя свои слова, Кузьмич прикрыл тяжелыми веками глаза, сразу резко постарев. Чувствуя, что старик еще что-то скажет, Маркиз молчал.

И оказался прав. Кузьмич снова открыл глаза и протянул:

– Если только...

– Если только – что? – поторопил его Маркиз, не дождавшись продолжения.

– Экий ты торопливый, Маркизушка. – Кузьмич снова начал играть в дряхлого добряка. – Все-то ты спешишь да меня, старика, торопишь... Вот, поспешил с побрякушками, – он ткнул толстым пальцем в кольцо и подтолкнул его к краю стола, – поспешил, да без толку. А вот если ты одно дело сделаешь для меня, старика... да и не для меня, взаправду, а для очень, очень большого человека, вот тогда и камушки эти несчастные тебе с рук сойдут, и хорошие деньги срубишь.

– Что за дело? – осторожно осведомился Маркиз, обоснованно ожидая от старого барыги какой-нибудь пакости.

– Немцы выставку к нам привезти собираются, – неторопливо начал Кузьмич, вновь откинувшись на спинку кресла, – всякое старье допотопное – черепки глиняные, фигурки разные... несусветной, в общем, древности вещицы. Так вот, среди этого старья есть одна фигурка... – Старик полез в ящик стола и вытащил оттуда тонкий цветной буклет. – Вот, глянь-ка, голуба!

Маркиз придвинул к себе тонкую книжечку, прочитал:

«Ассирийское наследство. Выставка произведений искусства и материальной культуры древней Ассирии из собрания барона Гагенау. Государственный Эрмитаж».

Ниже стояли даты проведения выставки.

Маркиз перевернул несколько гляцевых страничек. Крылатые быки, драконы, бородатые боги, высеченные плоскими рельефами на керамических табличках – выразительные, мощные фигуры. Диковинное рогатое чудовище привлекло внимание Маркиза, и он прочел под его изображением:

«Рыбо-козел – символ бога Эйя».

– Надо же – рыбо-козел! – усмехнулся Маркиз, подняв глаза на старика. – Чего только не выдумают!

– Ты, голуба, дальше, дальше посмотри! – с отеческой улыбкой посоветовал Кузьмич.

Маркиз перевернул страницу и обмер. Перед ним была фотография золотой статуэтки. Женщина со звериной головой – головой львицы. Маркиз застыл, у него перехватило дыхание.

– Хороша фигурка? – с ласковой усмешкой спросил старый скупщик, заметив, что Маркиза зацепило.

– Хороша, – неожиданно охрипшим голосом ответил тот.

У него даже закружилась голова, так неожиданно и странно подействовала на него львиноголовая женщина. Никогда прежде с ним такого не бывало! Маркиз почувствовал, что все отдаст, только бы завладеть этой статуэткой... ну хотя бы подержать ее в руках...

И одновременно он понял шестым чувством, хорошо развитой интуицией ловкого и везучего мошенника, что эта золотая фигурка принесет им всем неприятности, крупные неприятности... Это словно читалось в каждом изгибе ее тела, в каждой складке отлитой из золота кожи. Эта древняя стерва приносит с собой зло – и радуется этому злу...

С трудом оторвав взгляд от статуэтки, Маркиз прочел надпись внизу страницы:

«Львиноголовая Ламашту».

– Нет, – решительно произнес он, подняв глаза на старика.

– Что – нет, голуба? – ласково спросил Кузьмич.

– Всё – нет! – решительно ответил Маркиз.

– Ты еще не выслушал, чего я от тебя хочу, а уже отказываешься! – В голосе старого скупщика зазвучали жесткие ноты. – Ты, голуба, не спеши!

– Даже слушать не хочу! Что же вы – хотите, чтобы я из Эрмитажа экспонат украл?! Да там вокруг этих привозных выставок всегда толпы народу и взвод охраны! Я себе не враг, за мной потом вся городская милиция будет гоняться, вместе с прокуратурой и ФСБ! И потом, – закончил он чуть тише, – мне внутренний голос подсказывает, что с этой статуэткой лучше не связываться. А я своему внутреннему голосу привык доверять, он меня еще ни разу не подводил. Поэтому я пока что жив и на свободе. – С этими словами Леонид постучал по столу, чтобы не сглазить.

– Маркизушка! – вновь заныл Кузьмич в своей отвратительной слезливой манере. – Подумай, Маркизушка! Не губи старика! Ты себе не представляешь, какие люди меня об этом попросили! Таким большим людям нельзя отказывать, это для здоровья вредно. До утра ведь не доживем, Ленечка! Ты вспомни, голуба, чье кольцо спер!

– Да забирай ты это гребаное кольцо! – закричал Маркиз. – Только от меня отвяжись!

Он вскочил и шагнул к дверям кабинета.

– Сядь! – заорал Кузьмич ему в спину. – Сядь, мелочь пузатая, и дослушай! Я тебя на тридцать лет старше и в тридцать раз умнее!

Маркиз обернулся, насмешливо взглянул на старика и бросил:

– Что-то незаметно.

Однако вернулся и снова сел за стол.

– Больно ты, Маркизушка, пылкий да прыткий, – с легкой обидой в голосе, но уже спокойнее заговорил Кузьмич. – Во-первых, кто тебе сказал, что придется брать вещь из Эрмитажа? До Эрмитажа она вообще не должна доехать! Брать ее нужно в дороге. Ну да что я тебя учу, ты это сам лучше меня понимаешь! Привезут выставку через три дня... Во-вторых, ты даже не спросил, сколько я тебе за нее заплачу. Точнее, не я, а покупатель. – С этими словами Кузьмич придвинул Маркизу по столу листочек с написанными на нем цифрами. – Ну что, интересно? Это тебе не кольцо у Лейбовича слямзить! Это – сумма, а? Что же касается твоего внутреннего голоса, так ты ему эту сумму назови – и он сразу успокоится! А самое главное, голуба, – кто тебя, сявку, спрашивает, хочешь ты за это дело браться или не хочешь? Ты его сделаешь! Сделаешь – или пожалеешь, что на свет родился! Заказчик – такой человек, с которым не спорят, а просто делают, что он велел, и говорят спасибо.

– Нет! – решительно ответил Маркиз. – Я берусь только за те дела, в которых не чувствую подвоха. А от этого дела за версту воняет.

– Ты – покойник, – вполголоса проговорил Кузьмич.

– Посмотрим, – ответил Маркиз, решительно встал из-за стола и направился к выходу из квартиры.

Кузьмич заспешил следом, чтобы запереть за гостем свою знаменитую дверь. Маркиз, не прощаясь, вышел на лестничную площадку.

– Ты – покойник! – прошипел старик ему в спину.

Лола взглянула на часы и поняла, что она сидит в этой забегаловке уже почти час. Что-то Маркиз сегодня задерживается. Казалось бы, дело недолгое – отдать кольцо, взять деньги. Кузьмичу понадобится немного времени, чтобы определить подлинность бриллиантов. У них с Маркизом все честно, без обмана.

Лола тихонько рассмеялась: вот именно, без обмана!

– Ишь, какая веселая! – раздался голос у нее над головой.

Лола подняла глаза. Рядом с ее столиком стоял здоровенный парень, одетый так же, как и она, просто – кожаная куртка, джинсы. Лола окинула взглядом его широкие плечи, не очень чистые руки – все ясно, работяга или шофер. Да кто еще ходит в эту забегаловку?

Парень глядел на Лолу с улыбочкой. В руке он держал тарелку с гамбургером и бутылку пива, как видно, хотел перекусить и пообщаться.

– Ты скажи, чему смеешься? – продолжил он. – Может, мне тоже повеселиться охота! Подвинься. – Не дожидаясь разрешения, он плюхнулся рядом.

Лола видела, что он уже принял сегодня достаточно пива, а может, это было и не пиво – пахло от парня здорово.

– Слушай, – спокойно начала она, – я ведь тебя не приглашала. Мест свободных сколько угодно, а я приятеля жду. Так что извини уж, компанию тебе я составить не могу.

Парень в это время поставил бутылку пива на стол и откусил половину гамбургера. Услышав Лолу и поняв по ее спокойному серьезному тону, что здесь ему ничего не светит, парень попытался ответить, но рот его был забит булкой и котлетой, так что он вытаращил глаза и жестами дал ей понять, как он расстроен. Это вышло у него так утомительно, что Лола, не выдержав, вновь рассмеялась.

– Вот так всегда, – заметил парень, прожевав наконец гамбургер, – если красивая и веселая, то обязательно чья-нибудь. А нам ничего... – Неожиданно он облапил Лолу, крепко прижал ее к себе и залез под куртку требовательными руками.

– Ты что – рехнулся?! – закричала Лола, вырвавшись, и официант за стойкой сделал было движение в их сторону.

– Понял, понял, понял! – Парень встал, прижал руки к сердцу. – Извини, сестренка, все понял, удаляюсь...

– Проваливай! – процедила Лола и придвинула ближе мобильный телефон, но он молчал.

Маркиз появился через три минуты, когда настырный парень уже куда-то исчез. Лола поглядела на партнера и еще издали поняла, что дела неважные. Он был взволнован, причем это не было радостное возбуждение, нет, он был серьезно озабочен и даже зол.

Когда он подошел и сел рядом с ней, Лола поняла, что он взбешен. Этому могло быть только одно объяснение: бриллианты оказались фальшивыми. Каким образом хитрый Лейбович не побоялся впарить богатому клиенту фальшак – это уж не Лолиного ума дело. Но вот то, что на фальшак купились Маркиз с Лолой, – это очень плохо! Лола не любила рисковать задаром, а ведь она в утренней операции сильно рисковала.

– Ну? – сказала она едва слышно. – Тебе кофе принести?

На сердитого мужчину никогда не нужно сразу набрасываться с расспросами и нельзя показывать, что ты тоже волнуешься. Наоборот, нужно отвлечь его посторонними разговорами, тогда он малость успокоится и соизволит тебе ответить. А что ты сама сидела здесь почти час и мучилась неизвестностью – ему на это наплевать, если не сказать хуже.

– Воды принеси! – очнулся Маркиз от своих мыслей.

Лола принесла ему большой стакан ледяной минералки. Он залпом выпил половину и соизволил наконец обратить внимание на Лолу.

– Все плохо, – тихо произнес он.

Она глазами показала, что давно это поняла.

– Колье настоящее, – ответил он на ее невысказанный вопрос, – брюлики чистой воды, но...

– Но? – процедила Лола.

– Все дело в его владельце, не в этом жулике Лейбовиче, а... в общем, мы взяли колье у Зарудного.

– Кто такой Зарудный?

– Это хорошо, что ты не знаешь. Я тоже до сегодняшнего дня с ним не пересекался. Это очень крупный и очень богатый бизнесмен. Имеет огромные связи с нашим криминалом и за границей.

– Не понимаю, нам-то что до этого? – Лола пожала плечами. – Ты же обожаешь щипать богатых лохов.

– Он не лох! – Маркиз чуть повысил голос, но тут же осекся. – Кузьмич боится его до смерти и отказывается брать колье.

– Ну так и что? Отдашь другому...

– Нет! – Голос Маркиза был тверд. – Этого я делать не буду. Раньше я работал только с Кузьмичом и действовал по отлаженной схеме. Найти покупателя на такую дорогую вещь будет непросто. Кроме того, этот старый паук Кузьмич запросто может продать меня Зарудному. Мало того что никто не возьмет колье, так еще будут большие неприятности.

– Ты хочешь сказать, что я зря торчала в магазине и изображала из себя беременную дуру? Ты хочешь сказать, что я зря рисковала? А учитывая, что клиентом был Зарудный, я рисковала очень сильно!

– Да, именно это я хочу сказать. – Маркиз уже успокоился. – В нашем деле бывают неудачи, и надо принимать их спокойно.

– Допустим, – протянула Лола, внимательно глядя ему в глаза. – Где же колье?

– Я оставил его у Кузьмича, пусть вернет его Зарудному.

– А не может ли так быть, – вкрадчиво заговорила Лола, – что вы с Кузьмичом решили разыграть эту карту без меня? Что ты решил исключить меня из нашего кооператива! Почему я должна тебе верить?

– А у тебя нет выбора, – усмехнулся Маркиз, – я же говорил, что в наших отношениях есть один очень неприятный момент: мы должны доверять друг другу.

– В разумных пределах, – напомнила ему Лола. – Но, допустим, ты не врешь, и в этот раз нам не повезло. Так чего мы ждем? От колье ты избавился, ляжем на дно, и через некоторое время все утрясется.

– Есть еще одна заморочка, – вздохнул Маркиз. – Кузьмич, скотина, сватал мне очень опасное дело. Я отказался, и это хуже всего, потому что дело это очень плохо пахнет.

– Леня! – вскрикнула вдруг Лола, глядя через плечо Маркиза.

Он повернулся и взглянул в ту сторону. На мостовой недалеко от бистро стояла его машина – его собственная, ни у кого не угнанная неброская серая «девятка». И около этой машины крутился какой-то мелкий уличный вор. Оглядываясь по сторонам, он возился с дверцей машины. Маркиз вскочил, чтобы выбежать из бистро и как следует отделать наглеца, но тот уже справился с замком, открыл дверцу и залез внутрь, рассчитывая прихватить в тачке что-нибудь ценное, пока хозяева не спохватились.

Маркиз уже почти добежал до двери бистро, когда раздался оглушительный грохот. «Девятка» подскочила метра на два от земли, вспыхнула и рассыпалась на мелкие куски, рухнув на асфальт тысячей пылающих обломков.

Маркиз ахнул, в два прыжка вернулся за Лолой и потащил ее за стойку, где хозяйничал персонал бистро.

– Куда, куда? – попробовал было встать на пути у них молодой парень с детскими пухлыми щеками. – Сюда нельзя! Туалет в конце зала!

Но Маркиз молча оттолкнул его и, проскочив через кухню, вылетел в полутемное складское помещение.

Оглядевшись, он нашел неплотно закрытую дверь и вместе с Лолой выбежал через нее на улицу.

Они оказались во дворе, позади бистро.

– Что случилось, Маркиз? Куда ты меня тащишь? – спросила Лола, остановившись и всем своим видом показывая, что не сделает ни шагу дальше, пока не получит объяснений.

– Ты видела, как взорвалась машина, – зло бросил Маркиз, – что еще непонятно? Бомба предназначалась нам! То ли Кузьмич, старый людоед, успел стукнуть кому надо, и эти гады за считанные минуты, пока мы с тобой расслаблялись и выясняли отношения, успели заминировать машину, то ли они уже висели у нас на хвосте и только ждали результатов моего разговора со скупщиком. Второе – вероятнее всего. Короче, если бы не этот несчастный ворюга, мы с тобой сейчас уже распевали бы псалмы на небесах. Или жарились в аду. В общем, разговаривать будем после, уже поговорили, чуть не сдохли, до того договорились!

С этими словами Маркиз бросился через двор, махнув Лоле, чтобы она не отставала. Выбежав на улицу, они огляделись. Лола хотела было остановить частника, но Маркиз схватил ее за руку:

– С ума сошла! Когда за тобой охотятся, нельзя садиться в случайную машину – в ней может сидеть охотник. Пользуйся только общественным транспортом!

В десятке метров от них на остановке стоял троллейбус. Двери уже захлопнулись, но Маркиз подбежал к кабине водителя и замахал перед ней руками. К счастью, за рулем сидела женщина. Увидев симпатичного молодого человека, она пожалела его и открыла двери. Маркиз посадил Лолу и впрыгнул следом.

Леонид осторожно огляделся по сторонам и только тут заметил, как Лола бледна. Очевидно, до нее дошло, что они только что чудом избежали смерти. Проехав три остановки, беглецы вышли.

– Кажется, за троллейбусом никто не ехал, – неуверенно проговорил Маркиз. – Но у меня на душе как-то беспокойно. Береженного бог бережет. Надо еще несколько раз пересестись с одного вида транспорта на другой и уехать как можно дальше.

Они проехали несколько остановок на первом попавшемся автобусе, потом пересели на трамвай, потом на другой автобус. Наконец Маркиз успокоился.

– Пожалуй, мы от них оторвались, но, прежде чем двигаться дальше, нужно переодеться.

Оглядевшись, он зашел в подъезд. Там Леня снял светлую куртку-ветровку, под которой был темный свитер ручной вязки, надел синюю бейсболку и очки с простыми стеклами.

– Всегда нужно носить с собой кое-что из реквизита, – сказал он напарнице.

– Мой реквизит остался в машине, – вздохнула Лола, и Маркиз помрачнел, вспомнив о взрыве.

На улицу вышел совсем другой человек.

– И что мне делать с тобой?.. – задумчиво проговорил он, глядя на Лолу, и решительно двинулся в направлении магазина «Женский трикотаж».

Войдя в магазин, Лола схватила Маркиза за руку, закатила глаза к потолку и простонала:

– Ленечка, неужели ты хочешь, чтобы я что-нибудь такое на себя надела?! Это же фирменный магазин трикотажной фабрики «Красное веретено»!

– Не до шуток нам, – огрызнулся Маркиз, – выбери что-нибудь и переоденься. И прекрати валять дурака, нашла время!

Лола отыскала более или менее приличный трикотажный костюм с длинным плотным жакетом и удалилась в примерочную.

Маркиз, чувствующий себя в полупустом магазине с уныло бродившими в помещении редкими женщинами слишком заметным, отошел в сторонку, завернул за стойку с развешан-

ной на ней одеждой и сделал вид, что разглядывает свитера, краем глаза наблюдая за входом в магазин и за примерочными кабинками.

Дверь магазина распахнулась, и на пороге появился мужчина в длинном бежевом плаще. К этому плащу и всему респектабельному облику вошедшего плохо подходили наушники от плеера – эта деталь ему была явно не по возрасту.

Маркиз насторожился и внимательно следил из своего укрытия за мужчиной в плаще. Мужчина не спеша прошел по торговому залу и приблизился к примерочным кабинам. Маркиз весь подобрался: поведение незнакомца ему не нравилось. К счастью, тот остановился не перед кабинкой, где переодевалась Лола, а перед соседней, куда только что вошла высокая неужоженная девица с обесцвеченными перекистью волосами.

Человек в плаще на секунду замер перед кабиной, и Маркиз, весь превратившийся в зрение и слух, различил негромкий, но очень характерный хлопок, который ни с чем нельзя спутать: это был выстрел из пистолета с глушителем.

Киллер тут же развернулся и быстро пошел к выходу из магазина. Правая его рука была в кармане плаща, и Маркиз заметил на бежевой ткани пулевое отверстие с немного обгоревшими краями.

Как только мужчина в плаще вышел на улицу, Маркиз бросился к кабинке Лолы, но, пока он пересекал зал, произошло следующее.

Закрывавшая вторую кабину занавеска с громким треском разорвалась, и крашенная девица, судорожно вцепившаяся в занавеску и повисшая на ней всем телом, рухнула на кафельный пол торгового зала. Какая-то посетительница истошно завизжала, к ней сразу присоединились еще два или три голоса, продавщицы бросились к убитой. Началась паника.

Маркиз отдернул вторую занавеску, за которой, уже переодетая в ядовито-зеленый костюм от «Красного веретена», стоял Лола.

– По-моему, мне не идет этот цвет, – обратилась она к Маркизу, – может быть, померить бордовый?

– Уходим отсюда, быстро! – крикнул Маркиз. – Я потом тебе все расскажу!

– Я тоже.

Маркиз удивленно взглянул на напарницу, но задавать ей вопросов не стал. Пробегая мимо кассы, он бросил кассирше деньги: жульничать по мелочи было не в его правилах. Кассирша сидела за своим окошечком, в полной прострации наблюдая за происходящим в зале. Увидев перед собой деньги, она на время опомнилась и закричала:

– Пойдите, пойдите, а чек?! – Но странные покупатели уже выскочили из магазина.

На улице Маркиз быстро свернул в первый попавшийся проходной двор и на бегу в двух словах рассказал Лоле о появлении киллера.

– Значит, нам не удалось оторваться от них, – закончил он, – непонятно только, почему он выстрелил не в тебя, а в твою соседку.

– Все понятно, – ответила Лола, стараясь не сбиться с шага, – когда в кабинке я переодевалась, увидела на своем свитере «жучок» и только в тот момент догадалась, когда они успели его прицепить. Еще в бистро привязался ко мне какой-то тип. Я-то подумала – выпил парень, познакомиться хочет. А он меня вдруг облапил – да «жучок» незаметно и прилепил! Это явно был радиомаяк, они следили за ним, потому нам и не удалось сбить их со следа. Я отцепила маячок от свитера и подсунула его в соседнюю кабинку. Там была такая маленькая щелочка... Потом туда зашла другая женщина... Но я не хотела ничего плохого, думала, мы уйдем, а они за магазином так и будут следить...

– Да, не повезло ей... Но теперь, – Маркиз подвел итог, – мы можем оторваться от преследования. Если, конечно, на нас нет еще одного маяка. Ну, ты-то переоделась, так что можно считать, что чиста, а вот я...

– Да негде им было еще на тебя маяк цеплять! К тебе же никакая девица не липла!

Тем не менее Лола осмотрела его одежду, прощупала швы. «Жучков» они не нашли.

В дверь Кузьмичу позвонили. Старый барыга кряхтя прошел по коридору, выглянул в глазок. Увидев знакомое лицо, загремел запорами.

Этот человек – средних лет, с длинными темными волосами и слишком яркими блестящими глазами – не нравился Кузьмичу, вызывал у него чувство недоверия и опасности, но дело есть дело, а в окружении Кузьмича ангелы попадались так же часто, как орхидеи в Антарктиде.

– Проходи, – кивнул барыга гостю, – есть кое-что для тебя.

Войдя в кабинет, он выставил на стол несколько бронзовых канделябров, потемневшую от времени медную жаровню, бронзовую кадилъницу – ту, что Сверчок притащил из квартиры старого профессора.

– Вот, погляди, – проскрипел Кузьмич, всячески изображая старческую немощь, – может, что пригодится...

Гость брякнул бронзой, повертел в руках кадилъницу:

– Это возьму.

Отложил еще жаровню, полез в карман за деньгами, и вдруг взгляд его упал на немецкий буклет, который выглядывал из-под старинного фолианта, лежавшего на краю стола. Гость ловко выхватил буклет и уставился на старика пристальными, немигающими яркими глазами:

– Вот что у тебя есть! А когда они прилетают?

Кузьмич потянулся было рукой к ящику стола, где лежал верный «вальтер», но вдруг расхотел его доставать, им овладела тусклая безвольная слабость, стариковская болтливость, и он начал говорить, говорить...

Когда Кузьмич пришел в себя, гостя уже не было. Старый скупщик удивленно моргнул, взглянул на старинные, но очень точные каминные часы. Прошел без малого час! Кузьмич сидел за столом в своем кабинете. В квартире стояла тишина. Приснился, что ли, ему этот скверный гость? С чего бы он, тертый, опытный старик, так при нем разговорился? Да, может, и не приходил никто?

Скупщик внимательно огляделся. На столе лежали деньги – плата за медную жаровню и кадилъницу профессора-востоковеда.

Значит, не приснилось.

Кузьмич тяжело вздохнул. Его охватило предчувствие неотвратимой беды. Что, что же он разболтал этому длинноволосому уроду?

Слава Таракан прижался сзади к толстой крашеной тетке, попав в ритм плавной раскачке вагона, стараясь не привлечь ее внимания резкими движениями. Обычно женщины носят деньги в сумках, но эта толстуха только что убрала большой кошелек желтой тисненой кожи в карман пальто.

Таракан засек ее возле книжного лотка на станции «Невский проспект», где толстуха долго выбирала детектив. Там-то он и увидел ее кошелек.

Вагон чуть сильнее качнуло, толстуху прижало к Славе, и его рука как бы нечаянно скользнула в карман ее темно-синего пальто.

И в ту же минуту в самое ухо Таракану жарко прошептали:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.